

ПЯТНА

НИКОЛАЙ ДУБЧИКОВ

Николай Дубчиков

Пятна

«Издательские решения»

Дубчиков Н.

Пятна / Н. Дубчиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601431-2

Эпидемия смертельной чесотки. Лекарства нет. Выжившие люди разделяются на закрытые общины, чтобы защититься от мародеров и «чесоточников». Семнадцатилетняя Юля лишилась дома и теперь скитается с отцом и друзьями в поисках убежища, но им везде не рады. Добро пожаловать в мир, где жизнь измеряется в банках тушенки, где один укус одичавшей собаки может стать последним, где выживают самые жестокие и расчетливые. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-601431-2

© Дубчиков Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Хирург	6
Глава 2 Осторожно, злые хозяева	12
ГЛАВА 3. ВЕСНА	16
Глава 4. Союзники	22
Глава 5. Хали-Бали	30
Глава 6. Куница	38
Глава 7. Бараны или волки?	44
Глава 8. Бесплезные	51
Глава 9. Консервы	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пятна

Николай Дубчиков

Дизайнер обложки Виктория Перепадя

Корректор Алеся Дубчикова

© Николай Дубчиков, 2023

© Виктория Перепадя, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-1431-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Хирург

Прозрачный полиэтиленовый пакетик валялся на обочине. Ветер подхватил его, немного приподнял, перекинул через дорогу и потащил в поле. Пакет не сопротивлялся. Безропотно он подчинялся малейшему порыву и летел, напоминая искусственную медузу на дне воздушного океана.

Лёня наблюдал за ним со стороны, привалившись спиной к дереву:

«Этот полиэтиленовый мусор протянет дольше меня. Он будет медленно разлагаться лет сто или двести, если случайно не сгорит. А может, он вообще всех людей переживет...»

Когда пакет пропал из вида, парень поднялся и накинул на плечи рюкзак. Передышка закончилась, пора было идти дальше. Путник посмотрел на небо – большие пушистые облака, словно откормленные породистые овцы, не спеша брели по своему голубому пастбищу. Дождя сегодня не ожидалось.

Лёня бодро шагал по краю асфальта, время от времени оглядываясь через плечо. Он преодолел уже длинный и опасный маршрут, но до пункта назначения оставалось еще порядочно. Путник всякое повидал в дороге, ему встречались разные люди: добрые и ублюдки, монахи и убийцы, одни помогали, другие пытались прикончить, но все они остались далеко позади. Лёня нигде не останавливался дольше чем на пару дней и то, если вынуждала погода.

Вчера он отпраздновал двадцать два года. Вечеринка прошла в палатке посреди леса. В качестве подарка именинник позволил себе открыть тубик сгущенки и съел её в одиночестве. Он даже зажег тоненькую свечку, загадал желание и тут же задул её. Экономия. Свечей осталось всего три. Несколько раз Лёня заходил в брошенные церкви, надеясь разжиться этим добром, но Божьи дома стояли уже разграбленными.

Лёня вытер пот со лба и поправил зеленую бейсболку. Серая, не по размеру большая майка, сидела мешком на его костлявом теле. Болотные штаны-карго тоже обвисли на тощей заднице. За время пути парень сбросил килограммов десять, но зато его мышцы окрепли и стали выносливее.

Внезапно бродяга сбавил шаг, заметив впереди опасность. Рослая немецкая овчарка вылезла из канавы и застыла поперек дороги. За ней последовала вторая, чуть меньше – странная помесь бульдога, ротвейлера и каких-то беспородных шавок. Через секунду с противоположной обочины выбежала третья псина и тут же зарычала.

Лёня быстро посмотрел по сторонам в поисках убежища. Из рюкзака торчала рукоятка алюминиевой биты, но против трех голодных озлобленных псов этого было маловато. Проблема состояла в том, что он наткнулся не просто на собак. По большим проплешинам на шкуре, облысевшим ушам и кровавой пене, сочившейся из пасти, сразу стало понятно, что бобики заражены. А значит, один укус или даже просто касание такой зверюги может стать смертельным. Подцепить клещей легко, а вот избавиться от них невозможно.

– Тихо-тихо, спокойно, – рука машинально потянулась к травматическому пистолету, который болтался в кобуре под майкой. Но Лёня тут же передумал. Пушка смотрелась грозно, вот только была не заряжена. Впрочем, недавно этот ствол здорово его выручил. Лёня припугнул им пару бродяг и те не рискнули проверять, есть ли в магазине патроны.

С собаками такой трюк не прокатит. Просто показать пушку им мало, надо хоть разок пальнуть. А нечем. Три пары свирепых глаз сверлили человека, оценивая – добыча он или угроза. С рюкзаком за спиной парень выглядел внушительно, но вот испуганный взгляд выдал в нем жертву. Гляделки закончились. Овчарка оскалилась, злобно гавкнула и кинулась в атаку.

Пришлось активировать план «Б». Путник рванул в поле, посреди которого как огромные железные великаны возвышались линии электропередач. Хотелось скинуть рюкзак, но это било бы темп, к тому же он мог послужить защитой для спины. Для долговязого нескладного

парня, Лёня бежал на удивление резво, его длинные ноги делали огромные прыжки по траве, вот только, несмотря на все старания, собаки догоняли.

Леня напоминал загнанного оленя, которого через секунду растерзает стая волков. Из горла вырвался отчаянный крик, взгляд беспомощно скользнул по лугу, где предстояло принять бой или умереть. Однако победить он мог только избежав схватки.

ЛЭП казалась уже совсем рядом, но дыхание голодных псов слышалось еще ближе. Причудливая помесь бульдого-ротвейлера опередила остальных и попыталась первой вцепиться в ногу беглеца. И тут охотничий азарт подвел зверюгу, она угодила лапой в моток стальной проволоки, запуталась и резко сбавила ход.

У человека появился шанс. Из последних сил Лёня рванул к спасительной опоре. Десять метров! Пять! Три! Беглец подпрыгнул, вцепился в железный уголок и подтянулся. Челюсти овчарки лязгнули в паре сантиметров от кроссовка. Промашка. Спустя мгновение парень забрался на безопасную высоту.

Псины ворчливо кружили внизу, поочередно задирая морду и облизываясь. Собаки приготавливались к долгой осаде, а Леня прижался к спасительной опоре и тяжело дышал:

«Не зря я в детстве легкой атлетикой занимался, ой не зря».

В груди закололо так, словно там поселилось семейство дикобразов. Постепенно боль прошла, и беглец начал соображать, что делать дальше. Собаки могли караулить сутками. Нужен был новый план.

Леня осторожно снял свою ношу и положил между перекрещенных опор. С виду рюкзак казался здоровым, но на деле весил не так много. Все тяжелое – тушенка, консервы, рис, гречка, сахар – уже давно подъелось.

Парень аккуратно вытащил биту, спустился чуть ниже, взял оружие в правую руку, левой схватился за уголок и свесился. Псины мигом подскочили. Самая облезлая и плешивая шавка с обрубленным ухом прыгнула и тут же получила дубинкой по затылку. Собака взвизгнула, рухнула на землю, но быстро очухалась и отбежала в сторону.

– Черт! Живучая тварь!

Лёня надеялся проломить ей череп, но попал вскользь. Остальные бобики сразу впитали в себя горький опыт собрата и уже не повторяли его ошибок. Уличные собаки удивительно быстро учились, жизнь дрессировала их лучше любого инструктора.

Теперь Лёня уповал лишь на то, что стая заметит добычу полегче и оставит его в покое. Чтобы скоротать время он залез почти на самую верхушку опоры и долго разглядывал окрестности. Впереди виднелось несколько поселков и широкая трасса «М-4 Дон». А еще поля. Бескрайние, зеленые, нарезанные аккуратными прямоугольниками, на которых раньше выращивали пшеницу, подсолнечник, кукурузу и прочую сою. Теперь они стояли бесхозными и зарастали сорняками.

Но запустение царило не везде. К своему удивлению человек заметил движение на одном клочке земли. Синий трактор деловито катился по грунтовой дороге вдоль поля, поднимая за собой серое облако пыли.

– Ферма! Люди! Эх, далеко... не докричаться, – внезапная радость быстро сменилась унынием безнадежности.

Лёня полез вниз, перебрался на другую сторону, прислонился плечом к опоре и свесил ноги со стального уголка. Отсюда он заметил тот самый пакет, за полетом которого следил во время привала. Белый шуршащий мешочек зацепился за куст. Пакет будто нашел в нём союзника и бросил вызов ветру, воспротивившись тому, что его без отдыха гоняют по полям. Кусок полиэтилена запутался в тонких кривых ветках и не двигался с места. Он жалобно трепетал при каждом порыве, но продолжал бороться.

Солнце неумолимо двигалось к горизонту. День угасал. Перспектива торчать здесь всю ночь сильно печалила Лёню. Он знал, что если уснет, то наверняка свалится с ЛЭП. Между

тем собаки, лениво зевая, растянулись на земле в десяти метрах от опоры. Временами одна из них убегала на разведку, но пара дежурных всегда оставалась на посту.

Пошёл третий час осады. Вдруг псы встревоженно подняли морды и зарычали. Лёня обернулся. Через поле в его сторону шел человек. Мужик с легким рюкзаком, в синих джинсах и бледно-розовом поло сжимал метровый кусок черенка от лопаты.

– Эй! Тут собаки! Осторожно! Они зараженные! – заорал Лёня, честно пытаясь спасти незнакомца. Тот замер на мгновение, кивнул и уверенно двинулся дальше.

Зверюги вскочили и бросились на новую жертву. Человек наклонился, точно решил завязать шнурки, но затем резко выпрямился и швырнул в зубастых противников булыжник. Отпрыск овчарки заскулил – камень попал ему в плечо. Собака захромала, а затем остановилась. Остальные последовали примеру вожака.

Мужик взмахнул дубинкой и угрожающе крикнул:

– А ну, пошли! Пошли нахрен отсюда! Зашибу, твари! Уууу!

Бобики с трусливым лаем попятились. Незнакомец продолжил своё наступление, и шавки дрогнули. Они спешно засеменили прочь, но пробежав метров пятьдесят, остановились. Лёне показалось, что собаки совещаются.

Тем временем дядька продолжал переть на них с прежней агрессией. Один против трех, вооруженный только палкой. Но к удивлению Лёни, зверюги рванули наутек. Незнакомец гнал их до шоссе и остановился только, когда четвероногие пересекли дорогу и скрылись в высокой траве.

Человек постоял с минуту, а затем неспешно направился обратно к ЛЭП. Теперь Лёня мог хорошенько рассмотреть своего спасителя: на вид ему было лет сорок, лысый немного вытянутый череп, узкое лицо, водянистые глаза, короткий нос и тонкие губы. Светлые брови казались почти невидимыми, а тело напоминало цилиндр или тубус. В нем угадывалось что-то змеиное. Худой, чуть сутулый, с покатыми плечами, незнакомец выглядел слабым и тщедушным, тем удивительнее было видеть, с какой смелостью он бросился на трех крупных собак.

– Спасибо! – Лёня скинул рюкзак на землю и прыгнул следом, – они меня чуть не порвали, а вас испугались. Как так?!

Мужик смерил его флегматичным взглядом и почесал плечо:

– Ворон ворону глаз не выклюет.

– Ох. Я сразу и не понял. Значит, Вы...?

– Чесоточные собаки гоняются за вами... чистыми. На меня они кинутся, только если совсем рехнутся с голоду.

Лёня заметил, с какой горечью и завистью этот человек назвал его «чистым».

– Я не знаю как Вас и отблагодарить. У меня есть немного сгущенки, горох, лапши два пакета. Хотите?

– *Ab ovo usque ad mala*, – угрюмо кашлянул змееподобный собеседник.

– Чего?

– По латыни дословно – от яйца до яблок. Так, к слову вспомнилось. Ты куда путь-то держишь, турист?

Лёня замялся, обдумывая разумно ли открывать свои планы:

– До Джубги надо добраться. У меня там тётка. Хочу проверить, что с ней, а потом думал в Грузию.

– Чего ты там забыл?

– Мне в Грузии очень понравилось, я туда два раза ездил с друзьями.

Он сдуру чуть не спросил «А Вы чем занимаетесь», но вовремя удержал язык за зубами. Чем может заниматься зараженный? Тупо доживать последние дни. У всех болезнь протекала по-разному: один мог и год чадить, а самые слабые потухали месяца за три.

– Значит, ты один хочешь дойти пешком до Джубги? Давай-давай. Мне кажется, я проживу дольше тебя.

– Я от Москвы иду! – гордо объявил Лёня, но тут же осёкся, решив, что сболтнул лишнего.

– ОГО! – наигранно восхитился незнакомец, – ну тогда я за тебя спокоен. Тебе, получается, туда?

Мужик указал пальцем на юг, Лёня заметил в районе его запястья красноватое пятно.

– Ага, дальше по М-4. Но я редко по трассе иду. Опасно. Обычно стороной обхожу посёлки с городами. У меня карта и компас.

За время пути Лёня встретил много чесоточников, все вели себя по-разному. Одни сбивались в большие караваны и отправлялись в последний путь, чтобы встретить смерть в красивом месте где-нибудь в горах или у озера. Другие промышляли грабежом и насилием. Третьи, не дожидаясь агонии, лезли в петлю или прыгали с моста. Четвертые специально искали «чистых» и заражали их из зависти. Пятые коротали жизнь в надежде, что ученые вот-вот изобретут вакцину.

Никто из них не видел этих таинственных ученых, но бедолаги с маниакальной убежденностью были уверены, что они есть. Всё как положено: в тайных лабораториях, в белых халатах, склонившись над микроскопами, вирусологи-микробиологи-генетики стояли на пороге открытия лекарства от Бурой Чесотки. Увы, на этом пороге они стояли уже почти два года, а шаг вперед сделать так и не могли.

Мужик почесал дубинкой между лопатками, и устало выдохнул:

– Послушай, турист. Перед Динской заправка будет. Там нехорошие люди засады устраивают. Меня-то не трогают. Что с такого возьмёшь? А тебя до нитки оберут. И не только. Женщин у них там нет. Поэтому молоденького московского мальчика они просто так не отпустят. Понял?

– Фак, вот мрази... – Лёня проглотил густую слюну, чувствуя, как похолодели пальцы.

– Тебе сегодня второй раз повезло. Нам почти по пути, так и быть, проведу безопасным маршрутом, – незнакомец посмотрел на запад, – солнце садится, надо спешить. Ночью в наших местах лучше не шататься. Я могу предложить у меня переночевать, но ты не согласишься. Я бы тоже не согласился. Ты же не идиот? Идиоты от Москвы, считай, до Краснодара не доходят.

– Спасибо, у меня палатка. Показывайте дорогу.

– Нет там дороги, сначала полем пойдем, потом перелеском и снова полем. У нас тут кругом одни поля. Кубань – житница России.

– Ой, простите. Я даже не представился, меня Лёня зовут. А вас?

– Хирург. Просто Хирург.

– А, так вы доктор...? Говорят, врачей почти не осталось, они первыми заразились.

– Возможно я последний, других коллег в округе давно не встречал. *Aequo pulsat pede*.

– Снова латынь? Переведите, – глаза парня заблестели от любопытства. Давно ему не попадался столь интересный попутчик.

– Смерть безучастно поражает любого.

– Это да...

Новый знакомый шел резво, Лёня даже со своими длинными ногами едва поспевал за Хирургом. Доктор совсем не выглядел смертельно больным, и если бы не пятна – первый симптом этой жуткой болезни – то парень принял бы его за обычного человека. Чистого – как теперь говорили.

Он решил, что Хирург заразился недавно. Его отметины были бледными, почти розовыми. Лёня знал, что со временем пятна станут ярче, сначала покраснеют как зрелая вишня, а затем потемнеют. Поэтому болезнь и прозвали «Бурая чесотка».

А еще пятна чесались. Жутко чесались, особенно по ночам. Так сильно, что люди раздирали кожу и лезли на стены от боли. Некоторые пытались лечиться «народными методами» – прижигали пятна раскаленным железом или поливали кислотой. Но они только уродовали себя. Избавиться от клещей подобной терапией никому не удалось.

«Повезло, что этот дядька мимо шел. Сейчас нормального человека редко встретишь, особенно среди чесоточных».

Они миновали поле, пересекли узкую дорогу с раздолбанным асфальтом и вновь запылили по земле.

– Мы из Балашихи втроем на машине выехали. Я, мой друг Ванька и сестра его Алёна. Она первой погибла под Воронежем, нас местные отморозки обстреляли. Ей через стекло в висок попали, сразу насмерть.

– А друг где?

– Когда бензин закончился, мы на велики пересели, нашли два байка на заброшенной даче. Решили, что хозяева за ними уже не вернуться. Ехали, никого не трогали, как вдруг из кустов собака бросилась и сразу Ваньке в голень вцепилась.

– Собаки велосипедистов не любят почему-то. Особенно деревенские, – чуть замедляя шаг, пробормотал Хирург. Он поправил ляжку и в рюкзаке что-то звякнуло.

– Шавка зараженной оказалась. Ванька когда пятна увидел...

Лёня замолчал на полуслове. Его лицо покраснело, глаза стали чуть влажными.

– Можешь не продолжать. Догадываюсь.

– Повесился Ванька. Я утром просыпаюсь, а он в десяти метрах на березе болтается.

– Сжег его?

– Чего? – тут парень запнулся и упал на колени, – фак, гребаная кочка.

– Сжигать нас надо. Чтобы падальщики дальше заразу не распространяли.

– Знаю. Я ветками завалил и подпалил. Кости только обугленные остались.

– Молодец, – похвалил доктор.

– А дальше один. Нормальных попутчиков не встретил, в основном ублюдки попадались или психи.

– Таких сейчас большинство, – Хирург остановился и показал палкой налево, – вон хутор мой. Почти пришли. Тебе дальше прямо.

– Хутор? – заволновался Лёня, – а там много людей уцелело?

– Два калеки. Один перед тобой. От хутора мало что осталось, сгорела половина. Пока не стемнело, тебе надо как можно дальше уйти отсюда. До тех деревьев еще провожу, а потом ты сам.

Они дошли до длинной лесополосы. Высокие старые тополя угрюмо покачивались и шуршали листьями, несколько ворон каркали на ветках, беспокойно поглядывая на людей недружелюбным взглядом.

– Ну всё, турист, прощай.

– Еще раз спасибо, – Лёня чуть не протянул руку своему спасителю, от старых привычек было сложно избавиться, – стоп, ну возьмите хоть лапшу! Сварите и вспомните меня. Чем-то я Вас отблагодарить должен!

– Тебе нужнее, молодому растущему организму необходимо хорошо питаться. И так тощий как скелет. Дорога длинная, пригодится.

– Тогда сгущенку...

– Перестань. Долгие проводы – лишние слёзы. И мой совет тебе напоследок: *Save sanem*.

– Звучит круто. Как заклинание в Гарри Поттере. А перевод?

– Берегись собаки, – улыбнулся доктор.

– Прощайте! Держитесь, не падайте духом!! Лекарство обязательно найдут!

Лёня повернулся, сделал шаг, второй, третий и рухнул лицом в землю. Хирург понюхал пятно свежей крови на дубинке, а затем скинул свой рюкзак. Он быстро извлек прочный трос, чистую пластиковую бутылку, металлизированный скотч, широкую чашку из нержавеющей стали и маленькую кружку. Затем торопливо обвязал веревку вокруг ног парня, перекинул её через толстый сук и потянул. Несмотря на худобу, Лёня весил прилично, доктор с кряхтением едва поднял его на полтора метра.

– Дышишь? Это хорошо. С мертвых крови мало, – вполголоса пробормотал Хирург, закрепив трос.

Он замер, прислушался, осмотрелся по сторонам, а затем оторвал кусок скотча:

– Чуть не забыл рот тебе заклеить. Ни к чему нам лишние крики. Место тут глухое, безлюдное, но мало ли...

Лёня очнулся. Затылок жутко болел, тошнило, перед глазами расплывались мутные темные круги. Он попытался что-то сказать, но лишь промычал с залепленными губами. «Спаситель» достал скальпель. Лево́й рукой он схватил жертву за волосы, а правой резанул по шее.

– Не дергайся. Расплескаешь, – произнёс Хирург таким тоном, точно речь шла о стакане с чаем. Он поспешно убрал скальпель на место и поднес к ране глубокую чашку.

Сердце бедняги бешено колотилось, выталкивая через поврежденную артерию ярко алую кровь. Доктор знал, где резать. Через пару минут всё кончилось. Хирург зачерпнул кружечкой красную жижу из наполненной чашки, продегустировал её с видом сомелье, затем перелил остатки крови в чистую бутылку и бережно убрал в рюкзак.

Труп плавно покачивался из стороны в сторону. Маятник-мертвец остекленевшими глазами таранился в пустоту. Вдалеке завывали собаки. Возможно, они уже почуяли, что сегодня перепадет мяса, всех падальщиков ожидало сытное пиршество. Хирург щелкнул складным ножом, отрезал трос и смотал его. Полезными в хозяйстве вещами доктор не разбрасывался.

– Спасибо тебе, турист. Вот ты меня и отблагодарил. Теперь в расчете, – Хирург поднял дубинку и направился к хутору.

В это самое мгновение сильный порыв, наконец, оторвал упрямый пакет от куста возле ЛЭП. Кусок полиэтилена сдался. Ветер, играясь, взметнул его в темнеющее небо и погнал дальше.

Глава 2 Осторожно, злые хозяева

Юля закуталась в тёплое одеяло, но всё равно ощутила, как по коже пробежал холодок. Она проснулась за секунду до щелчка рации. Чутьё предупредило об опасности как раз в тот момент, когда первый бандит перелез через забор. Часы показали половину третьего ночи.

Куницыной потребовалось пару секунд, чтобы прийти в себя. Юля сунула руку под подушку, вытащила пистолет, спрыгнула с кровати и затаила дыхание. Она не выглядела на свои семнадцать: миниатюрная, светловолосая, с бледной кожей – посторонний человек дал бы ей лет пятнадцать, не больше. В Юле еще сохранилась легкая подростковая угловатость. Не гадкий утёнок, но и не прекрасный лебедь.

Рация тихо зашипела голосом Тараса Романовича, которого все привычно называли Бобёр-старший:

– Историк, жди сигнала. Подпустим ближе. Мы бьём задних, а ты передних. Приём.

– Понял. Саня, как у тебя? Приём, – раздался голос папы из соседней комнаты. Отец вжался в стену и осторожно разглядывал улицу через окно.

Тихо, как кошка, Юля пробралась в его спальню, не проронив ни слова.

– Пока никого. Приём, – ответил Швец.

– Саня, секи свой участок. Чтобы с тыла не зашли! Мы тут сами разберемся, – предупредил Тарас Романович.

Сашка Швец, он же Таран, жил через дом от них. Юля представила, как он сейчас бежал по второму этажу от одного окошка до другого, высматривая незваных гостей.

А противники прибывали. Один, второй, третий. И все на их участок. Налетчики выбрали не самую удачную ночь. Стареющая, но почти полная луна отлично подсвечивала силуэты незнакомцев. Когда пятый бандит перемахнул через ограду, Бобёр-старший скомандовал:

– Огонь!

Историк быстро приоткрыл окно и выстрелил. Грохот его гладкостволки слился с щелканьем «Сайги» Тараса Романовича. Следом жажнул дробовик Бобра-младшего.

Мародеры были уверены, что посёлок спит, и не ждали такого горячего приёма. Ошибочка вышла. Вместо хлеба с солью их щедро угостили сталью и свинцом.

– Спокойно. Сидим. Наблюдаем. Приём, – невозмутимо пробубнил Тарас Романович, словно секунду назад он пристрелил не двух человек, а просто сбил из «воздушки» пустые консервные банки.

– Один шевелится. Приём, – заметил Историк.

Юля различила в его голосе дрожь, руки у отца тоже тряслись. Школьному учителю сложно было перестроиться и стать убийцей. Но он старался. Старался ради неё.

Динамик вновь зашипел:

– Мы с Витькой выходим. Историк, ты следом. Саня, прикрывай сверху. Приём.

Приказы Тараса Романовича не обсуждались. По части военно-тактических вопросов он считался непрерываемым авторитетом в посёлке.

– Юлька, не высовывайся, – бросил на ходу отец и затопал вниз по лестнице. Дочь послушно осталась в комнате, понимая, что толку от неё сейчас все равно мало.

Во дворе громко стонал раненый. Одна пуля прострелила ему бедро, вторая вошла между ребер чуть ниже сердца. Трое его подельников лежали неподвижно, упокоившись навеки. Бобровы обступили противников, но ближе чем на метр не подходили.

– Жаль, пятый ушёл, – с досадой проворчал Витька, которому досталось фамильное прозвище «Бобёр-младший».

– Сами виноваты. Мы с тобой в одного ударили. Вон, в зеленой олимпийке валяется, – Тарас Романович кивнул на мертвеца с тремя пробоинами.

– Так я правого жажнул, как договаривались, а потом всех подряд, – пожал плечами Витёк.

Боброву-младшему недавно исполнилось двадцать. Когда он стоял рядом с отцом, казалось, что Тарас Романович клонировал себя и создал точную копию на тридцать лет моложе. Роста они были среднего. Широкоплечие, большеголовые, с мощными лбами, крепкими подбородками и кривыми ломаными носами. Характер обоим достался задиристый, но отходчивый.

Отец с сыном успели переброситься парой фраз, прежде чем к ним присоединился Историк. Это прозвище сразу прилипло к Михаилу Ильичу Куницыну, когда в посёлке узнали, кем он работает.

– В этого я стрелял, – вздохнул Историк, рассматривая раненого.

– Жестокий ты человек, Ильич. Не гуманный, а еще учитель, – с порицанием усмехнулся Бобёр-старший, – почему не насмерть? Зачем бедолагу мучиться заставляешь?

– Сам знаешь, какой я снайпер.

– Ладно. Витька, следи за дорогой, вдруг группа поддержки пожалует, а мы тут потолкуем с товарищем.

Налётчик корчился от боли не в силах подняться. В душе раненого теплилась надежда, что раз его не грохнули сразу, то может и пощадят. Так уж устроена человеческая природа – цепляться за жизнь до последнего вздоха. Особенно когда эта жизнь висит на тонком, до предела натянутом волоске.

– Вы нахрена к нам полезли?! – рявкнул Тарас Романович.

Бандюга ответил не сразу. Он простонал что-то невнятное, а затем едва выдавил из себя:

– Жратву искали...

Бобёр-старший хмуро оглядел оружие противников: старенькая, выдавшая виды двустволка ИЖ-58, два топора да алюминиевая бита. С чем лез пятый грабитель, которому удалось удрать, никто не запомнил.

– Жратву говоришь? Вы же знали, что здесь живут! Это не мародерка, а разбой, тут другой спрос, – Тарас Романович придвинулся на полшага, чтобы лучше разглядеть лицо чужака.

– Сколько вас? Где лагерь?! – требовательно, как на уроке, спросил Историк.

Но его вопросы остались без ответа. Раненый закричал, кашлянул и потерял сознание.

Бобров устало зевнул:

– Кончай его. Хрена собачьего он нам расскажет, а пытать я не хочу. И так ясно – очередная ватага чесоточников.

Из-за этой банды мужики последние три дня дежурили в усиленном режиме. Не высыпались, сидели как на иголках. Когда Витька заметил слезку, все поняли, чем это закончится. Такое уже проходили.

– Историк, чего завис? Добивай, говорю, – повторил Тарас Романович.

Юля наблюдала за происходящим из своей уютной чистенькой комнаты на втором этаже. Куницына видела, как отец поднял ружьё и прицелился в голову налетчику. Но тут Бобёр-старший замахал руками. Историк покачал головой и отшагнул. Они начали спорить. Юлька приоткрыла окно, чтобы послушать разговор.

– ... у нас не армейский склад, беречь патроны надо, так кончай.

Долетала до Юли концовка фразы Тараса Романовича. Отец не соглашался:

– Бобёр, я ж не палач, чтоб головы рубить. Давай сам...

– Нет уж, Ильич! Ты ранил, ты и добивай!

– Тьфу! – рассердился Историк и направился за угол дома. Вскоре он вернулся с большим топором.

На свою беду раненый пришел в сознание, увидел, какую ему приготовили казнь, забыл про боль и попытался отползти к калитке:

– Пощадите! Не убивайте!

– Все равно, сынок, тебе подышать. Вон уже какое пятно на шее, -почти с отцовской заботой ответил Тарас Романович.

– Это родимое! Клянусь, родимое! Я чистый, правда, чистый, – тараторил бандит, хотя пару минут назад едва ворочал языком.

– Ага, родимое. У тебя, у кореша твоего на руке. Все вы меченные. Ты же знаешь, конец один – долгий, жуткий, мучительный. А мы быстро. Зажмурься, и почувствовать не успеешь.

– Нет, есть средство, есть..., – прошипел раненый, харкая кровавой пеной. Ползком на животе он почти добрался до приоткрытых ворот, словно за оградой ему кто-то гарантировал безопасность. Внезапно путь к отступлению перекрыл Бобёр-младший. Молчаливая суровая фигура Витьки казалась неприступной точно бетонная стена.

– Историк, руби уже! Не могу смотреть, как трепыхается. Хоть бандит и чесоточник, но человек всё же..., – поторапливал Тарас Романович.

Куницын не шевелился. Сгорбившись и опустив плечи, он безучастно смотрел на противника.

– Ну, твою ж мать, интеллигенция! Пора бы чешуей обрасти, жестче надо быть, жестче!

Бобёр-старший выхватил топор, высоко поднял над головой и резко опустил. В последний момент раненый повернулся к нему лицом, инстинктивно выставил руку, пытаясь защититься от безжалостного металла, вскрикнул и тут же затих. Лезвие вонзилось аккурат между глаз.

– Вот и всё. Не сложнее чем дрова колоть, – крикнул Тарас Романович, сплюнув горькую слюну, – Витька, давай за горячкой, обожжем их, а утром закопаем.

Бобёр-младший тут же отправился исполнять поручение баги. Мужики даже не попытались обыскать трупы. Первое правило выживания гласило: «Никогда не трогай чесоточника, даже мертвого. Ничего у него не бери и вообще держись как можно дальше».

Через пару минут мертвецов облили бензином, и во дворе запольхало. До отвращения аппетитно потянуло жареным мясом – все уже подзабыли вкус шашлыка. Хрюшек, овечек, коровок и другую живность также коснулась эпидемия. Микроскопические чесоточные клещи проникали почти во всё, что бегало по земле и даже летало над её поверхностью. Если б не рыба, «чистым» пришлось бы поголовно переходить на вегетарианскую диету.

Мужики подождали пока огонь потухнет и разошлись по домам. Бобёр-младший и Саня Таран остались за дежурных, а остальные могли отдохнуть до утра.

Юлька облегченно выдохнула, когда скрипнула дверь и послышались тяжелые отцовские шаги на лестнице. Михаил Ильич шёл медленно, точно дряхлый старик. Наконец, он поднялся на второй этаж, замер в коридоре и повернулся в сторону комнаты дочери:

– Кино закончилось, отбой.

Юлька съезжилась на кровати. Прижимая подбородок к коленям, она обхватила ноги худенькими ручонками и слегка раскачивалась:

– Что он сказал?

– Ты о чем?

– Перед тем как Бобёр его зарубил, он что-то крикнул про лекарство или средство какое-то. Я не разобрала...

Историк задумался и вытер испарину со лба:

– От страха бредил. Забудь. Отдыхай. Мне тоже надо выспаться, завтра тела закапывать. Тарас наряд выписал за то, что добить отказался.

– А почему ты не смог его ударить топором? – тонкий голосок Юли из темноты звучал чуть жутковато.

– Не знаю, мышка. Убивать оно легче, чем рожать, но тоже не всем дано. Тем более так. Одно дело выстрелить, а другое... ох, проехали.

Отец ушел в свою комнату. А Юльке еще целый час не давали покоя разные мысли, предсмертные слова незнакомца глубоко засели у неё в голове.

ГЛАВА 3. ВЕСНА

*Душа вышла из тела
И вернулась обратно.
Поболело – прошло,
И остались лишь пятна...*

*Пятна прошлых надежд
И любви безвозвратной,
Разбежались по коже
Ярко-красные пятна.*

*Счастья даже крупица
Не дается бесплатно,
У всего есть цена,
И расплата нам – пятна.*

Юля закончила стих, но еще пару минут раздумывала над последним четверостишьем. Хотелось поменять концовку. Однако ничего интереснее в голову не пришло, и она оставила всё как есть. Куницына захлопнула толстый ежедневник, который служил ей дневником. Писала она в нём редко, в отличие от отца. Это он приучил Юлю вести дневник, после того как паутины социальных сетей порвались, Интернет рухнул, а желание делиться своими мыслями и воспоминаниями осталось.

Михаил Ильич как школьный историк, начал вести свою летопись задолго до эпидемии. Его дневники занимали половину книжного шкафа. И теперь он почти ежедневно делал короткие пометки, описывая падение цивилизации от лица обывателя. Историк в шутку называл это «Хроники Куницына».

Юля взглянула на часы:

«Пора бы им уже вернуться. Может, на озеро зашли? Нет, корм не взяли. Тогда тем более пора».

Утром отец с Бобровыми отправился закапывать вчерашних налетчиков. Вернее их обгорелые останки. Братскую могилу для таких незваных гостей организовали в овражке за посёлком.

Юлька нервно царапнула ногтями подоконник. Прошло пять минут, затем десять. Никого. Она поднялась с кровати, провела рукой по старому настенному календарю с постером любимой рок-группы, а затем остановила взгляд на фотографиях. Три одинаковых рамочки висели на стене: портрет Юли в пятнадцать, Юля с папой в аквапарке, Юля, папа, бабушка и дедушка на юбилее. Но семьи в полном составе не было ни на одном фото.

– Прогуляюсь к «скворечнику». Оттуда хорошо дорога просматривается, – сказала Куницына, словно в комнате еще кто-то был. В одиночестве она часто разговаривала сама с собой. Звучащий голос успокаивал её лучше, чем мысли в голове.

Юлька надела джинсы, заправила в них футболку с длинным рукавом и натянула перчатки. Теперь даже в жару приходилось ходить в закрытой одежде. «Модные тенденции» постапокалипсиса гласили – чем меньше видно кожу, тем сложнее чесоточным клещам поселиться в твоём теле.

Она спустилась на первый этаж, повернула дверной фиксатор, выглянула на улицу, осмотрелась и переступила порог. Между участками сделали проходы в заборах, чтобы быстрее

передвигаться от одного дома к другому. Их маленький поселок теперь превратился в подобие коммуны, где было почти всё общее.

Юля подошла к высокому дубу. Среди его толстых ветвей бывший хозяин года три назад сколотил для детишек настоящий домик. Все как положено: веревочная лестница, канат, маленькие окошечки-бойницы, даже пиратский флаг для антуража. Теперь в домике на дереве устроили наблюдательный пост.

Сегодня дежурил Сашка Таран. Вообще его фамилия была Швец, но прозвище Таран крепко прилипло с самого детства. До эпидемии он мечтал стать профессиональным боксером и даже успел выиграть чемпионат Южного федерального округа.

– Стой, кто идет?! – шутливо крикнул Саня из «скворечника».

– Папу с Бобрами не видно?

– Неа.

Юлька скрестила руки на груди и шаркнула ногой по земле:

– Долго их нет, я переживать начинаю...

– Овраг недалеко. Если бы кипишь случился, я выстрелы отсюда бы услышал. Ты же знаешь старого Бобра, он любит языком почесать. Минуту работает – пять болтает.

– Скинь лестницу.

– Залазь, – Саня приоткрыл люк, веревочная лестница размоталась в воздухе и повисла в полуметре над землей.

Юля шустро вскарабкалась наверх и встала около окошка. Она прикусила нижнюю губу, разглядывая знакомый пейзаж за посёлком.

– Хорош паниковать, Куница.

– А ты чересчур спокоен. Нас вчера атаковали, забыл?

– Да там чесоточники обдолбанные с топорами были. Тоже мне атака.

– Один сбежал. Он может с друзьями засаду устроить.

– Юль, ты конечно отличница, но старый Бобер не тупее тебя в этих делах. Мы разведку провели, никого кругом.

Саня смотрел на подругу чуть снисходительно, точно перед ним стояла маленькая девочка, которая утверждала, что под кроватью сидит чудовище, а он как большой и взрослый успокаивал её, убеждая, что чудовища нет.

Таран поставил ружье в угол и почесал макушку. Его темно-русые жесткие волосы торчали «ёжиком» в разные стороны, а вот на лице юношеская щетина еще не показывалась.

– Надо на базар ехать, патронами затовариться, – Саня хрустнул костяшками пальцев.

– Я бы тоже выбралась. Мне кажется, сто лет в Краснодаре не была.

– Я полгода назад, туда и обратно. Сейчас, говорят, там поспокойнее, «пятнистых» почти не осталось. Вытурили подальше.

– Угу, вот они к нам и лезут теперь, – вздохнула Юля.

– Ну а как ты хотела? Им тоже жрать хочется. Жрать, бухать, насиловать. Отрываются перед смертью.

Семья Сашки переехала в Краснодар из Омска, когда мальчику исполнилось восемь. Юля родилась в Москве, но почти не помнила столицу, всё её детство и юность прошли на Кубани. Познакомились они три года назад, когда Михаил Ильич решил перебраться в коттеджный поселок «Весна» под Краснодаром. Юльке пришлось идти в новую школу, и первым, с кем ее посадили за одну парту, стал Сашка Швец. Впрочем, никакой романтики в их отношениях не проскальзывало, только дружба.

– Петушок-петушок, выгляни в окошко, дам тебе горошка, – звонкий девичий смех послышался за «скворечником».

Таран хмуро сдвинул брови. Юля понимающе улыbnулась и кивнула на дверь:

– Пообщайся с невестами, я подежую.

– Никакие они мне не невесты! – фыркнул Швец.

Скрипнула деревянная дверца люка и в проёме показалась суровая морда Сашки. Под домиком стояли две очень похожие девушки – Уля и Лиза Ложкины. Ульяне исполнилось восемнадцать, Елизавета была на год младше, но казалась даже чуть выше сестры. Обе смуглые, с толстыми косами черных волос, большими глазами и широкими бедрами.

– Привет. Ну, выглянул, гони горох.

– Заходи на обед, мама как раз варит, – предложила младшая, игриво поглядывая на парня.

– Спасибо. Я гречки с тушенкой наготовил, мне до завтра хватит. Вы по делу пришли или соскучились просто?

Сестры Ложкины переглянулись и снова захохотали.

– Ой, Саш, правда скучала, особенно когда вчера в баню ходила. Легла на полбк, глаза закрыла и о тебе думала, – томно протянула старшая Ульяна, и новый приступ веселья накатило на сестёр.

Таран усмехнулся, терпеливо дожидаясь, когда девчонки перейдут к делу. Ложкины считались в поселке самыми видными девками и до эпидемии, а уж когда болезнь выкосила почти всех, то и подавно стали первыми невестами в округе.

Юля Куницына рядом с ними чувствовала себя настоящим гадким утенком. Она тоже была миловидной, но из-за своей миниатюрной внешности походила на подростка, который только-только начал превращаться в девушку. А вот Улька и Лизка уже налились соками. Их бедра округлились, грудь выпирала из рубашек, а мягкие губы, томные глаза и ямочки на пухлых щечках придавали им особенную женскую привлекательность. Кровь с молоком, да и только.

– Я на дежурстве вообще-то. Чего случилось?

– Кран потёк на кухне. Поможешь? – наконец призналась Лиза, накручивая конец косы на палец.

– Помогу, но позже. После смены. Перекройте воду пока, если сильно капает. Можете у меня набрать.

– А когда твоё дежурство закончится?

– Когда Витька придёт. Сама же знаешь, куда они двинули.

– Идут! – раздался в скворечнике радостный голос Юльки.

– Ой, да ты не один дежуришь? И Куницу к обороне привлёк? – протянула Ульяна, чуть поджав губы.

Юлю никак не задела сквозившая в словах ревность. На Сашку она не засматривалась, и отбить его не пыталась. Да и формально Таран ни с кем не встречался. Время сейчас было такое, что фривольные отношения не поощрялись. Обнимашки, поцелуйчики и прочие романтические нежности остались в прошлом. Даже члены одной семьи опасались лишней раз прикасаться друг к другу. Бурая чесотка продолжала свирепствовать, и любой неосторожный контакт мог привести к заражению.

– Ладно, я пошла, – Куницына повесила бинокль на торчавший из стены саморез и спустила веревочную лестницу.

Ложкины продолжали топтаться у «скворечника», точно дожидаясь её ухода, чтобы сообщить Сашке еще что-то. Юля не стала их стеснять и быстро направилась домой.

Отец вернулся уставший, попросил заварить чай и сел в тени черешни возле крыльца. Михаил Ильич Куницын преодолел пятидесятилетний рубеж, но казался чуть старше. Когда-то темные волосы почти все поседел, круглая борода тоже не молодила Историка. А вот солидным животиком к такому почтенному возрасту он не обзавёлся и держал себя в форме. У них перед участком стоял турник, на котором Михаил Ильич хоть сейчас мог подтянуться десять раз. А еще Юля помнила, как он любил бегать по утрам. Раньше. До эпидемии.

– Нормально всё прошло?

– А? – вопрос вывел Историка из глубокой задумчивости, – да, в яму сбросили, землей закидали, дело несложное.

– Думала, вы быстрее вернетесь.

– Ой, дочь, мы с Тарасом уже не такие молодые. Замедляемся с каждым годом. То ли дело Витька – шустрый пацан. Мы пока доковыляли, он вперед на разведку сбегал, туда-сюда лесок прошерстил. Бойкий малый. Про тебя, кстати, спрашивал, – на последней фразе Михаил Ильич улыбнулся.

– Что про меня спрашивать? Он меня каждый день видит, – насупилась Юлька.

– Мышка, ты чего такая колючая сразу стала? Спрашивал, не испугалась ли ты вчера во время стрельбы. Волнуется видать.

– Угу. Ясно.

– Я в твою женскую тактику не лезу. Понимаю, что парень добиваться должен и все такое. Сразу перед ним стелиться не надо. Но ты не перестарайся только.

– Пап, ты о чем?

– О том, что мужиков мало осталось. О будущем надо думать в настоящем. Ладно, я уже старый, а тебе дальше как-то жить, семью заводить.

– Какую семью, пап? Мы – последнее поколение. После нас никого не останется.

Тут пришлось нахмуриться Михаилу Ильичу. Пессимизм и апатия дочери его сильно беспокоила:

– Мышка, рано ты лапки вверх подняла. Большинство умерло, потому что не знало, с чем столкнулось. А мы теперь знаем. Поэтому выживем.

– Тоже мне жизнь! Ни к кому не прикасаться, любого суслика бояться, – каждое слово Юльки было пропитано тоской и безнадежностью.

– Ладно, давай перекусим и пойдем на озеро.

– Вдвоем?

Историк стянул мотоциклетные перчатки и почесал глаза. Жутко хотелось спать. Михаил Ильич протяжно зевнул:

– А ты кого позвать хочешь?

– Может Сашку? Для подстраховки.

– Аааа, ну если только для подстраховки, то давай.

Юлька поняла, о чем подумал отец и тут же виновато начала оправдываться:

– Папа, мы просто друзья. Но с Сашкой мне больше нравится общаться, чем с Витькой. Мне этот Бобёр совсем не к душе...

– Ладно. Дело твоё. Зови жениха...

– Ну, пап!!!

Через час Михаил Ильич, Юля и Саня Швец направились к озеру. Все трое несли в рюкзаках корм для карпов. Рыба осталась практически единственным животным продуктом, пригодным для еды. Болезнь с одинаковым успехом поражала людей, свиней, коров, овец, собак, кошек и другую живность. Не щадила она и птиц. «Чистые» почти забыли вкус жареной курочки, шашлыка или говяжьего гуляша.

Но этот вид клещей не мог жить под водой. Поэтому рыба стала основным источником белка. Тем, кто поселился у моря, больше повезло с разнообразием рациона. Остальным приходилось довольствоваться живностью, что водилась в окрестных водоемах.

Раньше Историк не особо увлекался рыбалкой, но помнил, что ничего крупнее карася в их озере мужики не ловили. Теперь же в нем плавали толстые довольные карпы. Когда прилавки супермаркетов опустели, а потом закрылись и сами магазины, Бобёр-старший быстро смекнул, как жить дальше. Так у них появилась своя маленькая рыбная ферма.

– Стойте. Ветки шатаются, – предупредил Куницын, указывая на противоположный берег.

Таран залёг в траву, прильнув к прицелу карабина. Историк со своей гладкостволкой сместился в сторону. Юля тоже достала пистолет «Байкал», хотя её «травмат» с такой дистанции мог только напугать хлопками, но не ранить.

– Я обойду, – прошептал Сашка.

– Сидеть, герой! – шикнул Михаил Ильич, – вон там сразу засекут, даже в траве не спрячешься.

Через несколько мгновений загадочный враг, наконец, показался из кустов. С беспокойным криканьем несколько уток под предводительством солидного селезня заскользили по водной глади.

– Эх! Может они не заразные? Я бы отсюда всех положил, – проглотив слюну, мечтательно вздохнул Швец.

– Хочешь променять здоровье на жареную утку? – Историк поднялся и повесил ружьё на плечо.

– Да ладно, это я так.

Юлька не принимала участие в разговоре, но продолжала пристально следить за противоположным берегом. Чтобы окончательно успокоиться, мужики обошли озеро, но никого опаснее пернатых водоплавающих не встретили.

– На следующий год карпов будем голыми руками таскать! Вот таких, – Таран широко развел ладони в стороны.

Историк с осторожностью разделял его оптимизм:

– Зарыбленное озеро – ценный ресурс. Важно его защитить. Ладно, если еще кто с удочкой придёт, а если сети начнут ставить?

– Их самих в эти сети замотаем и – на дно!

– Воинственный ты парень, – улыбнулся Михаил Ильич, развязывая рюкзак.

Саня аккуратно положил оружие на траву. Припекало. Хотелось искупаться, но вода еще не прогрелась, вот через пару недель будет самое то. Послышался звонкий плеск. Историк бросил первый «колобок» из вареной перловки, пшенки и манной крупы. Где-то там, в тёмной воде, оживились зеркальные карпы и караси.

Пока отец с Сашкой откармливали рыбу, Юля прогуливалась в стороне. Пространство вокруг хорошо просматривалось, Куница спрятала пистолет и замерла около кустов дикой малины. Послышался писк. Слабый, едва различимый. Очень тонкий слабеющий голосок звал на помощь из последних сил. Юля пошла на звук и увидела среди травы птенчика.

– Ой, скворчонок выпал...

Птенец попытался убежать, неловко переваливаясь с лапки на лапку, но Юля преградила путь к отступлению.

– погоди, сейчас найдем твоё гнездо.

Куницына вертела головой, скользила взглядом по кронам и, наконец, заметила его. Совсем невысоко, в паре метров над землей притулилась постройка из травы и веток. Внутри слышалось тихое попискивание. Птенцы ждали родителей. Вскоре один из скворцов уселся на соседнее дерево, боязливо поглядывая на человека.

Юля отошла и спряталась за стволом березы. Птенцы в гнезде заголосили, а выпавший собрат принялся вторить им с земли. Самка заметила его, но почувствовав опасность, быстро взлетела. Куницына решила вернуть беднягу на место, но только она склонилась над мальшом, как сзади раздался грозный окрик:

– Стоять! Не трогай!

Историк приблизился быстрыми шагами, схватил дочь за плечо и оттащил в сторону.

– Ты что делаешь?! Зачем лезешь к нему?!

– Поднять хотела просто, в гнездо вернуть, – недовольно одернула руку Юлька.

– А если он заразный? Дотронешься и пятнами пойдешь! – отец постучал себя кулаком по лбу, – я на тебя удивляюсь, уже семнадцать лет, а ведешь себя как маленькая.

– Ну, я же в перчатках! – крикнула дочка и две большие слезы скатились у нее по щекам.

– В печатках-перчатках! Ну и что?! Всякое может случиться! Ты же не в водолазном костюме! Охота тебе рисковать?!

– Может и охота! Может меня всё это достало! Перчатки ваши, правила эти, страхи вечные! Может, я сдохнуть уже хочу! Надоело!

Сашка застыл поодаль, не вмешиваясь в семейную сцену. Когда истерика Юльки закончилась, она разревелась, схватила свой рюкзак и побежала домой.

– Иди за ней, присмотри, чтоб по пути ничего не натворила.

– Понял, – кивнул Таран и рванул за Куницей вдогонку.

Михаил Ильич уставился на скворчонка. Тот забился в траву у корней дерева, и поглядывал наверх, где среди зеленых ветвей укрылось его родное, безопасное и недосыгаемое гнездо. Остальной выводок тоже притаился, испугавшись громких людских голосов.

– Ох, Юлька-Юлька. Из-за пташки собой рискует. Сердце большое, а умишка маловато.

Историк пошарил в рюкзаке и достал плотный полиэтиленовый пакет. Натянув его сверху перчатки, он быстро схватил дрожащего от страха птенца, поднял, осмотрел внимательно, а затем сунул в гнездо.

Через минуту вернулись оба скворца, и желторотые детеныши заголосили с новой силой. Теперь в полном составе. Михаил Ильич бросил пакет на землю и на всякий случай сжег его. Коварная болезнь не прощала ошибок. А выжившие еще слишком мало о ней знали.

Глава 4. Союзники

Ночную тишину нарушил требовательный стук в дверь. Хирург подскочил на кровати. Сперва он решил, что показалось. Ему снилось что-то страшное, но сейчас он никак не мог вспомнить что. За печной заслонкой потрескивали дрова, ветерок из приоткрытой форточки легонько волновал тюль. Всё было тихо, спокойно. Но стук повторился. Явно били ногой в дверь. А затем послышался надрывный мужской голос:

– Хирург, открой! Это я, Игорек! Впусти! Будь человеком! Мне помощь нужна!

Хозяин неторопливо встал и почти бесшумно приблизился ко входу. Несмотря на лихие времена, он так и не обзавелся огнестрельным оружием. Брать в его хибаре было особо нечего, само жилище какой-то ценности тоже не представляло. Вокруг таких брошенных домов стояло в достатке.

Дверь в третий раз сотряслась от грубых ударов. Потратив последние силы, человек сполз по стене и развалился на крыльце. Скрипнули старые петли, сутулый Хирург с видом сонного удава выглянул на улицу, осмотрелся и проворчал:

– Заходи.

Игорек на четвереньках заполз в дом, оставив за собой кровавый след. Раненый застонал:

– В засаду попали. Хотели пощипать несколько домишек, там бабы, молодняк, да пара колхозников жили. А нас как в тире похлопали. Леха, Белый, Васька Щербатый, Макар... всех перебили, твари.

– Почему твари? – устало потер переносицу хозяин, – я бы вас тоже перебил. Мы же договаривались без своевольностей? И тут такое нарушение дисциплины. Ай-я-яй. Кто из вас таким инициативным оказался? Ты?!

– Нет! Отвечаю, нет! Это Макар придумал.

– Макар..., Макар... насчет него у меня сразу возникли сомнения, – отстраненно пробормотал Хирург, открывая медицинский чемоданчик.

– Да, Макар он такой... был. Отморозок тот еще. Предложил всех в поселке связать и резать по одному. Мол, нам так на месяц крови хватит.

– Молодец, масштабно мыслил, – похвалил покойного Хирург, – но подобные крупные операции продумывать надо, а для этого крайне важно иметь такой орган как мозг. И заметь не спинной, а головной. Но никто из вас этим ресурсом не обладал.

Игорек обижено заткнулся. А Хирург продолжал над ним потешаться:

– Но меня расстраивает другой момент. Я же тебя из могилы вытащил и думал, что ты будешь хранить мне верность как влюбленный лебедь. А ты к Макару под крыло переметнулся. Обидно.

– Мы бы тебе тоже долю подогнали, отвечаю, – дрожащим голосом оправдывался раненый.

– *Amicus certus in re incerta cernitur*. Не слышал такую фразу? Дословно что-то вроде – надёжный друг познаётся в ненадёжном деле. Ну, или «друг познается в беде» на современный манер.

– Хирург, я от твоей латыни подохну быстрее, чем от пули.

– Не исключено. Так, давай оценим масштаб трагедии...

Игорек с жалобным кряхтением повернулся и показал простреленный бок.

– Ооооо, – печально протянул доктор, осмотрев глубокую рану. Его водянистые глаза скорбно прищурились, – тебе операция нужна.

– Сделай, а? Ты же хирург!

– Раскрою тебе страшную тайну: хирург – это прозвище, а не специальность. Вообще я терапевт, а «Хирург» ко мне со студенчества прилип. В горы ходили по молодости, так там один

парень сорвался, голову себе немного разбил и плечо вывихнул. Я ему бровь зашил, сустав вправил, вот и стал Хирургом. Даже в поликлинике меня так называли, новые коллеги путались поначалу. Хе-хе.

– Хирург, терапевт, да мне похеру! Ты пулю вытащить можешь или нет? – Игорек жутко побледнел от потери крови и едва ворочал языком.

– Не горячитесь, батенька. Помогу, конечно, мы же друзья. Только потерпеть придется. Отвернись к окошку, сейчас немного больно будет.

Раненый стиснул зубы. Хирург придавил ему голову, вонзил скальпель в горло и держал так, пока тело не перестало трепыхаться. Игорек обмяк.

– Ну вот, я тебе помог. Теперь не болит, да? Эх, весь диван мне кровью перепачкал. Ладно, хоть обивка бордовая, не сильно заметно.

Доктор вытащил мертвеца на улицу, накрыл старыми тряпками и оставил так до утра. На рассвете пришлось взяться за топор. Отделив руки, ноги и голову от туловища, Хирург с помощью садовой тележки переместил покойника на окраину леса. Сухой валежник весело затрещал, языки пламени принялись облизывать дерево и человеческое мясо. Судмедэкспертов больше не осталось. Никто и никогда теперь не определит личность бедолаги Игорька по кучке золы и обгоревшим костям.

Волосы на голове вспыхнули как сухая хвоя. Кожа почернела, потянуло горелой плотью. Хирург бросил еще несколько бревен поверх трупа и решил, что достаточно. Жар усилился. Доктор отошел в сторону, наблюдая, как горит бывший союзник. Игорька ему жалко не было, как и остальных членов банды. Доктора печалило другое:

«Не получилось у меня команду организовать. Не хватило дисциплины, пошли разброд и шатания. А помощники нужны, одному всё труднее становится. Надо прогуляться».

Хирург собрал рюкзак, положил запас продуктов, захватил палатку, выпил на дорожку стакан крови и двинулся в путь. Три дня он бродил по окрестностям Краснодара, присматриваясь к островкам жизни, разнюхивая последние новости, но в сам город не совался. Там еще сохранилась какая-никакая власть. По центральным улицам иногда даже разъезжали патрули безопасности. Очень редко и до наступления темноты. Но все же поддерживалась видимость порядка.

Глобальные вызовы, будь-то война, революция, эпидемия или футбол, как правило, раскалывали общество. И одна половина всегда стремилась подавить другую. «Пятнистых» всячески выдавливали из города. Формально закон защищал их от прямого насилия, но когда у нас соблюдали законы? Хирург, конечно, мог рискнуть и ради миски похлебки добраться до центра помощи зараженным. Таких на весь Краснодар осталось целых... один. Формально. А реально там давно висел большой амбарный замок. Впрочем, и сами чесоточники не приближались к этому месту, боясь нарваться на чистильщиков.

«Посмотрим сверху на округу», – доктор уцепился за пожарную лестницу и полез на крышу торгового центра «Красная площадь». Огромное здание теперь походило на труп кита, которого штормом выбросило на берег. Оно медленно разлагалось под открытым небом, половину стекол выбили, все ценное давно растащили. Рёбра каркаса угрюмо проглядывались между дырами в фасаде. Левое крыло и вовсе сторело, перекрытия там обвалились, обнажая черное обугленное нутро храма шопинга.

Печальная панорама открылась перед Хирургом. Огромный шумный мегаполис теперь молчал. Но в этом молчании слышался тихий зловещий гул, точно тысячи мертвецов бубнили проклятья в адрес тех, кто еще ходил по земле. Жилая часть Краснодара скукожилась до размера спального района. Город разбился на несколько общин, и они с каждым днем все жестче конкурировали за оставшиеся ресурсы.

– Домой, пора домой, – доктор не увидел ничего интересного и полез вниз. Но как только он спустился, за спиной раздался хриплый крик:

– Стоять! Руки поднял! Ты кто такой?! Это наша территория! Чего тут шарисься?!

Хирург осторожно повернулся, миролюбиво демонстрируя открытые ладони:

– Я ничего не взял. Просто осматривался...

– Осматривался он, – проворчал бритоголовый детина квадратного телосложения. Ростом незнакомец был невысокого, зато с могучими широченными плечами, короткой толстой шеей и злобной круглой мордой. Рядом стояли два подростка с такой же брутальной фигурой.

– Вали отсюда, чесоточник! На первый раз прощаю, но если еще встречу – сразу кишки выпущу, – прогудел амбал, направив в лицо доктору дробовик «Beretta».

– Пап, можно я в него пальну разок? – начал клянчить сынуля, точно речь шла о мишени в тире.

Худое лицо доктора испуганно вытянулось, ноги подогнулись, будто рюкзак потяжелел в три раза.

Батя колебался:

– Жалко на этого чушка патрон тратить.

– Лови, пятнистый! – второй отпрыск швырнул камень, угодив в ключицу.

Хирург побежал. Он четко усвоил правило, что когда говорят «вали», надо валить. Папаша мог передумать в любой момент и разрешить детишкам поупражняться в стрельбе.

– Урод чесоточный! Катись подальше со своей заразой!

– Чтоб тебя быстрее клещи сожрали!

– Увидим – уьем!

Крики, угрозы, проклятья, улюлюканье, презрительный смех неслись вдогонку. Второй братец тоже кинул булыжник, но промахнулся.

Банка сайры болталась в рюкзаке и ощутимо била доктору по спине. Но дробь сделала бы ему еще больнее, поэтому Хирург не останавливался. В таком темпе его хватило на две минуты. В печенке резко закололо, тяжелая одышка разрывала легкие. Горло першило так, что казалось, оно потрескалось изнутри как раскаленная солнцем земля. Беглец согнулся пополам. Его не преследовали, но расслабляться не стоило. Отдохнёшь лишнюю минуту и упокоишься навеки.

Хирург перешел на шаг. Он часто оглядывался, задыхаясь от боли и злобы. Так хотелось всех их перебить – всех, кому тупо повезло остаться «чистыми». Почему-то эти людишки вдруг возомнили себя особенными, даже избранными – надеждой человечества на воскрешение. А всех, кого коснулась болезнь, оптом записали в черный список. Чесоточники, пятнистые, чумные, клещевеки – как их только не называли. Зараженных боялись и ненавидели, пятна означали смертный приговор. Нет лекарства. Нет надежды. Нет будущего.

«Вечереет. Не успею я домой добраться, придётся лачугу искать на ночь».

Доктор заметил вдалеке тоненькую струйку дыма. Жилья в той стороне не наблюдалось, только застывшие остовы недостроенных многоэтажек. Значит, костер развел какой-то бродяга, такой же собрат по несчастью. Это совсем не гарантировало теплый приём, радушные объятия, веселую компанию, вечеринку под звездами и новых друзей, но доктор решил попытать счастья. Три дня прошли практически безрезультатно. Лишь однажды он повстречал небольшую группу зараженных, но те двигались от Волгограда, чтобы окончить свои дни на берегу Черного моря.

Когда люди понимали, что жить им оставалось мало, многие устремлялись в места, где давно хотели побывать, но все время откладывали. Толпы смертников двигались на Байкал, Кавказ, Алтай, Камчатку, Черноморское побережье, Абхазию. Пандемия снесла санитарные кордоны. Почти все границы рухнули, их стало некому охранять, и люди принялись мигрировать между странами. Зараженные мечтали встретить последний закат где-нибудь среди Альпийских лугов или песчаных пляжей. Но большинство дошли по дороге.

Хирург подобным романтическим идиотизмом не страдал, а умирать в ближайшее время не собирался. Он знал секрет. И этот секрет помогал бороться с болезнью. Доктор шел медленно, останавливаясь и прислушиваясь каждые пару минут. Дымок продолжал спокойно куриться в стороне от дороги, вскоре показался и огонёк.

На пустыре за редкими чахлыми деревцами Хирург увидел строительный вагончик-бытовку, перед которым, разложив костерок, застыли два силуэта.

– Здравствуйте! – издали поприветствовал доктор. Он опасался, что если его внезапно обнаружат слишком близко, то могут пальнуть со страху.

– Чего тебе?! – озлобленно крикнул незнакомец и привстал.

Хирург показал ладони, замедлив шаг:

– Я без оружия. Просто ищу, где переночевать. Могу угостить своей едой.

– Иди вон там ночуй! – бродяга кивнул на темнеющую за спиной двадцатиэтажную громадину. Каркас здания возвышался в поле бетонной скалой, глядя во все стороны пустыми ячейками недостроенных квартир.

– А люди там есть?

– Люди? Нет там людей! Нигде людей нет! Сейчас не люди, а херня на блюде! – обижено на весь свет прорычал незнакомец.

– Ладно, извините. Я скорее компанию искал, чем убежище. Но если вы против, мешать не буду. Доброй ночи, – доктор развернулся и потопал в обратном направлении.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как послышался новый крик:

– Эй! Как там тебя? Ладно, иди, потолкуем.

В голосе бродяги больше не звучала угроза, даже наоборот, слышались нотки дружелюбности. Пока, правда, очень слабые нотки.

– Кочерга, – мужик протянул грязную мозолистую ладонь с почерневшими ногтями.

– Хирург.

Теперь рукопожатием обменивались лишь зараженные. Это стало некой фишкой для своих, данью памяти прежним «дочесоточным» временам. «Чистые» даже в перчатках боялись дотрагиваться до незнакомого человека, да и близких старались лишней раз не касаться.

При свете огня доктор внимательно разглядел бродягу. Возраст мужика определить было сложно. Распухшая рожа, заросшая куцей бородой, могла принадлежать как тридцатипятилетнему забулдыге, так и человеку под полтинник. Кочерга явно жестко бухал, и пагубная привычка не молодила его и без того быстро умирающий организм.

Рядом сидела в стельку пьяная шатенка лет двадцати. Она относительно недолго разрушала себя алкоголем, поэтому оставалась еще вполне симпатичной девицей. Молодость пока прощала. Синяя барышня даже не заметила появления гостя и продолжала дрыхнуть, прислонившись к стенке вагончика. Мужик вальяжно обнял подружку и с гордостью сообщил:

– Любаша, моя невеста. Фотомоделль, между прочим, была.

А затем добавил уже с угрозой:

– Не дай тебе боже положить на нее глаз. Живьем по косточкам разберу!

– Не беспокойтесь. После смерти жены я не ищу даже мимолетных отношений.

Жених удовлетворился этим ответом и чуть расслабился. Хирург расположился на раскладном туристическом стульчике с прожженной дыркой в спинке.

– Вы здесь постоянно?

– Пока да. Может, на море двинем. Не знаю. Я раньше-то на него не ездил, да и сейчас не тянет. Вот Любка хочет на моря, она сама с Севера к нам перебралась перед самой чесоткой.

– *Perigrinatio est vita.*

– А? – Кочерга замер с открытым ртом, из которого разило перегаром, дошираком и прочей дрянью.

– Есть такое красивое выражение на латыни. Означает: жизнь – это странствие.

– Угу...

– А почему в бытовке обустроились? Дома же пустые есть.

– Нам и здесь нормально. До тебя вообще никто не появлялся. А по поселкам ипподромовские шарят, те еще твари.

Хирург вспомнил недавнюю встречу с папашей и сынками:

– Ипподромовские? Да, я сегодня тоже имел честь пообщаться с ними. Жестокие люди. Пристрелить грозились за то, что попался на глаза. Пришлось бежать.

– Повезло, – протянул бродяга, отхлебывая из двухлитровой пивной бутылки, – мне из рогатки чуть глаз не выбили.

Кочерга показал затянувшуюся рану над левой бровью. Мимоходом доктор еще заметил запекшуюся в ухе кровь.

– Это у них забава такая, нашего брата из рогаток глушить. Развлечение. И охота вроде, и патроны не тратятся. Я вот стрельнуть в отместку хотел, но Любка удержала. У нас заряда мало осталось, на крайний случай берегу, – новый товарищ сунул руку за пазуху и достал пистолет Макарова.

– Ооооо... хорошая вещь. Как сохранили? наших же всех разоружили, – уважительно надул щеки доктор.

– Всех, да не всех. Кореш один мента хлопнул, а перед тем как преставиться, мне подогнал, – Кочерга с любовью потер пистолет о заселенную штанину и спрятал обратно.

Тут очнулась Любаша. Внезапно заметив Хирурга, она испуганно промычала и попыталась отползти, но алкоголь сыграл с её координацией коварную штуку. Девушка взмахнула руками и свалилась на землю.

– Любка, твою мать! Ты чего шугаешься? Видишь, у нас гость! Хоть нормального человека встретили, я думал такие уже выродились. Поздоровайся лучше...

– Люба, – плаксивым голосом выдавила из себя шатенка, потянувшись к пойлу.

– А Кочерга, между прочим, не погоняло, – мужик с важным видом покачал указательным пальцем, – эта фамилия моя. А зовут Константин Назарович. А тебя как по батюшке?

– Просто Хирург. У меня больше нет ни имени, ни фамилии.

– Ну ладно, дело твоё, паспорт требовать я не собираюсь, – Костя хрипло заржал, – хирург так хирург, по мне хоть гастроэндыр... гастрондур... сука, как там правильно?!

– Гастроэнтеролог, – подсказал доктор мудреное название.

– Или патологоанатом, – хихикнула девица, неожиданно продемонстрировав чудеса пьяной артикуляции.

– Да хоть дерматовенеролог! – Кочерга задрал футболку, обнажив покрытый пятнами живот, – один хер не вылечишь от этой заразы!

Узкие плечи Хирурга уныло поникли. Чтобы его взбодрить, Костя протянул бутылку пива, но доктор отказался. Вместо этого он достал из рюкзака банку тунца и вяленое мясо.

– О, добрые харчи! – похвалил Кочерга. Его подруга тоже заметно оживилась при виде аппетитной закуски. Любаша даже принялась стоять глазки новому знакомому, но так чтобы ухажер ничего не заметил.

Бродяги пили до глубокой ночи. Хирург уже клевал носом и с трудом поддерживал разговор, он порядком устал после тяжелого дня. Костя допил очередную бутылку, швырнул её в заросли бурьяна и недобро покосился на собеседника.

– Слышь, ты как хочешь, а к нам ночевать не пушу! Ты меня ночью зарежешь! – приступ подозрительности, граничащий с паранойей, внезапно накатил на Кочергу.

– Ради чего?

– Да вот ради него! – мужик полез за стволом, неловко перехватил его и уронил себе под ноги. Люба взвизгнула и подскочила. Её паника передалась доктору, он тоже вздрогнул от неожиданности.

– Да не бойсь, не граната же. Он на пре-до-хра-ни-те-ле, – Костя с кряхтением поднял пистолет – о чем я говорил? А! Вот ты же себе такой хочешь? Да хооооочешь. По глазам вижу хочешь! А что в наше время стоит убить человека? Ни-че-го. Жизнь людская теперь измеряется в банках тушенки, в патронах, даже в рыболовных крючках. Сам видел, как одному мужику разбили башку из-за пары поплавков и катушки лески. А ради такой игрушки многие родного брата придушат.

Кочерга с любовью поцеловал затвор Макарова и снисходительно покосился на доктора. Тот потянулся к рюкзаку и отцепил от него маленькую палатку:

– На ваш дворец я не претендую. Зачем мешать новобрачным? Я как улитка, omnia mea mecum porto – всё своё ношу с собой. Ночь сегодня теплая. Пойду, разложу на той полянке, если не возражаете.

– Нет проблем, – прогудел Костя, – будем соседями.

Хирург быстро поставил легкую одноместную палатку, постелил туристический коврик и развернул спальник. Отключился он почти мгновенно. Ночью ветер усилился, и стало прохладнее. Но проснулся доктор не от холода, а из-за жужжащей под куполом жирной зеленой мухи. Только-только рассвело. Живой надоедливый будильник монотонно гудел, пытаясь вылететь на улицу.

– Вот бестия! Как ты сюда пробралась? А... – взгляд Хирурга упал на чуть расстегнутую молнию у входа. Он попытался опять уснуть, но через десять минут понял, что бесполезно.

Доктор выбрался из палатки, муха радостно прошмыгнула следом. Костер давно потух, Костя с Любой еще крепко спали в своём вагончике. Учитывая, во сколько они легли, скорого пробуждения ждать не стоило. Хирург собрал палатку, попил воды и задумался над тем как поступить дальше.

«Эти маргиналы – не лучшая компания, но надо с чего-то начинать сбор новой команды. У них есть оружие. Попробуем».

Чтобы скоротать время доктор набросил рюкзак и пошёл к ближайшей брошенной высотке. По соседству раскинулась огромная стройплощадка: башенные краны жалобно скрипели на ветру, бетономешалки вросли колесами в грунт, а пыльные бульдозеры обрастали плющом. Еще недавно этот пустырь планомерно застраивали многоэтажками. «Концептуальный закрытый двор, панорамное остекление, видеонаблюдение, зоны для йоги и спорта, школа рядом с домом», – заманчивые надписи всё еще пестрели на растянутом вдоль ограждения плакате. До эпидемии дома в Краснодаре росли как грибы после дождя, и дождь лил регулярно. А теперь пустыня.

Два пролёта синего забора давно рухнули, и проникнуть на стройку не составило труда. Но вдруг появились местные охранники. Стая собак со злобным лаем бросилась защищать территорию, однако, Хирург подготовился к этому. Несколько кусков битого кирпича заставили дворняжек разбежаться.

Доктор беспрепятственно поднялся по наспех сколоченным деревянным ступеням и скрылся в темном проёме подъезда. Перила здесь не успели поставить, поэтому Хирург держался ближе к стене. После десятого этажа на лестничных площадках стали появляться голубиные гнезда. Пару раз встретились дохлые птицы. А на пятнадцатом дорогу перегородил скелет собаки. Что заставило псину взобраться так высоко прежде чем сдохнуть, осталось загадкой. Хирург загадки не любил, поэтому перешагнув через останки, вскоре поднялся на крышу.

«Вот это я понимаю наблюдательный пост. Не то, что с Красной площади. Хотя за кем тут наблюдать? За двумя алкашами в вагончике? Бррр, ну и ветрище!»

Доктору открылся превосходный вид на ряды автосалонов вдоль Западного обхода, амбициозный комплекс «Город спорта», бесконечные крыши старых и новых домов. Хирург повернулся, его водянистые глаза уставились в сторону Ипподрома.

«Там большая община, сильная. Человек триста, не меньше. Хорошо устроились: земли много, бетонный забор по периметру, крыша над головой есть. Только в конюшни, наверное, заглядывают исключительно в чумных халатах. Чистые...»

Ипподром превратился в сплошной огород, ни одной лошади там, конечно, не осталось. Половину земли засадили картофелем, морковью, капустой, луком, свеклой, а вторую половину заняли теплицами с другими овощами. Ипподромовцы почти полностью обеспечивали себя продовольствием, а то что не могли вырастить, покупали у других общин.

Хирург сплюнул с крыши и посмотрел вниз. У подъезда суетились три собаки, обнюхивая свежие следы человека. Вдруг что-то загудело позади. Доктор обернулся и приставил ладонь ко лбу. Серая точка на небе двигалась прямо на него, быстро приближаясь с грозным рокотом. Хирург на всякий случай убрался с крыши и затаился на лестничном пролёте. В «вертушке» мог сидеть и стрелок, ему ничего не стоило превратить подозрительного человечка в фарш. Пронесло. Вертолет, разрубая воздух винтами, с грохотом пролетел над недостроенной высотой.

«Давненько авиацию я не видел. Значит, кто-то важный к нам пожаловал», – предположил Хирург, спешно спускаясь вниз.

Бродяги в вагончике тоже проснулись от шума, задрав голову на пороге своей убогой хибары, они провожали вертолёт мутным похмельным взглядом. Разглядев вдалеке ночного гостя, распухшая физиономия Кости чуть подобрела:

– Вот и доктор Айболит, он с чекушкой к нам спешит. Приходи к нему лечиться, даст всегда опохмелиться!

– А я думала, он свалил, – Любаша не оценила поэтический талант кавалера и ушла в бытовку спать дальше.

Кочерга отошел шагов на десять, справил нужду, а затем принялся за костер. Когда Хирург вернулся, вода уже грелась в черном от сажи котелке.

– Добра утра, док! Чифирнём?

– Благодарю, но я только зеленый пью.

– Ишь какой, дело твоё, – Костя смачно харкнул в сторону, – жратвы мало осталось, надо сегодня пошукать по домишкам.

– Сколько тебе осталось, как думаешь?

Неожиданный вопрос заставил Кочергу вздрогнуть:

– А тебе-то чего? Сколько есть – все мои!

– Ты давно заразился? Судя по цвету пятен раньше, чем твоя подружка. Она месяца два назад, верно? – продолжал допытываться Хирург, точно принимал пациента в кабинете.

– Три. Любка – три месяца, я – полгода, – холодно ответил Костя.

– Полгода..., – повторил доктор с той интонацией, когда больным оглашают смертельный диагноз.

От ледяного голоса собеседника Кочерга вдруг сжался в комок. Он сам не понял, чего так испугался, но мелкая дрожь под коленками заставила его немедленно сесть. Бродяга знал, что обречен. Поэтому он и напивался каждый день, чтобы приглушить ужас неизбежности. Страх костяной рукой хватал его за горло, а алкоголь хотя бы отчасти разжимал эти тиски.

– Все там будем, не бзди, – сипло протянул Кочерга, успокаивая скорее себя, чем доктора.

Хирург отстранено смотрел на огонь и теребил кончик тонкого носа. Костя ждал, когда новый знакомый скажет что-то важное, раз он завёл такую тему, но доктор молчал, точно забыл, о чем они говорили. Скрипнула дверь и на пороге вновь появилась Люба. Шатенка высунулась из бытовки в черной запачканной майке, которая едва прикрывала соблазнительные бедра.

– Здрасьте, – сухо процедила Люба и пошлепала в сланцах к кустам.

Кочерга недовольно покосился на неё, но промолчал. К доктору он уже не ревновал. Сейчас, на трезвую голову и при дневном свете, глядя на тшедушную фигуру с узкими плечами,

Костя был уверен, что Хирург ему не конкурент. Интеллигентные манеры и флегматичный вид доктора подкрепляли это убеждение.

– Ты сам-то когда подхватил? На прошлой неделе? – усмехнулся бродяга.

– Больше года.

– Чего?! А ну покажи!

Хирург снял рубашку. Кочерга обошел его вокруг, недоверчиво осматривая каждый сантиметр кожи.

– Ниже пояса примерно так же. Если позволишь, я не буду снимать штаны, поверь на слово.

– Поверить? Да я тебя вообще не знаю, с хера ли мне тебе верить?! Больше года... не бывает таких бледных пятен у тех, кто больше года носит на себе клещей!

– Как видишь, бывает.

– И чё? А? Чё с того?! Всё равно пятна есть! Красные, розовые – одна херня! Думаешь, не сдохнешь как другие?

– Думаю, я смогу предложить тебе и твоей невесте приятный свадебный подарок. Что скажешь насчет шанса на очищение? – по-змеиному прошипел Хирург с лукавой улыбкой.

Глава 5. Хали-Бали

Высокий глухой забор скрывал за собой ряды уютных коттеджей. Бетонную стену со всех сторон обвивал густой зеленый плющ, чтобы ограда не выглядела мрачной и отталкивающей. Так задумалось давно, еще, когда это место называлось базой отдыха «Хали-Бали». Теперь плющ служил дополнительной маскировкой от любопытных глаз. Здесь поселилась небольшая община – балийцы, как в шутку называли себя местные.

Соня Одинцова шла к домику, наслаждаясь теплым весенним утром. Поблизости запели птицы, но девушка не обрадовалась им, а наоборот испуганно ускорила шаг. Сейчас чистые боялись даже воробьев.

– Сонечка! – донеслось с крыльца коттеджа номер шесть. Сухонькая старушка лет семидесяти поманила рукой, и Одинцова направилась в её сторону.

– Доброе утро, тетя Даша!

– Доброе, золотце. Решила кофту зашить, да очки куда-то запропастились. Вдень мне нитку в иголку, будь она неладна. Никак попасть не могу сослепу.

Соня мигом выполнила просьбу бабули, но не стала возвращать иглу:

– Давайте я сама почию.

– Ступай, милая. Я как-нибудь управлюсь теперича...

– Давайте-давайте, – настаивала Соня, – я мигом, тут работы на минуту.

– Ладно, рукодельница моя, держи.

Игла ловко замелькала в молодых руках, а тетя Даша принялась бормотать о том, что скоро придется учиться на веретене прясть.

– Там овечья шерсть нужна. Какие же теперь овцы...? – вздохнула Одинцова.

– Тьфу, памяти совсем нет. Не могу привыкнуть к этому кошмару. Да и незачем мне привыкать, помру не сегодня так завтра, – запричитала старушка. Она была еще довольно энергичной и крепкой бабулей, хотя иногда прикидывалась старой и немощной.

– Перестаньте, что за разговоры? Как мы без вас? Кто мудрость свою передаст и опыт? Живите дольше, вы нам нужны.

Тетя Даша от такого ответа даже прослезилась. Соня, не теряя время на разговоры, быстро принялась за дело. Старушка лишь одобрительно кивала головой, подмечая, как всё аккуратно у неё получается:

– Ох, и повезло Тимуру с женой. И умница, и красавица, и по хозяйству мастерица.

– Ладно вам, – смутилась Соня, поправив русые волосы, – а вообще, взяли бы новую кофточку у Егорыча. Ребята много одежды привезли, у него вещей целый склад.

– Нет, дочка, тряпочки те вам молодым пригодятся. А я свои поношу, в них меня и закопаете. Ой, чего я об этом все болтаю?! Настроение тебе порчу... прости. Ты лучше расскажи как Надюшка? Хорошо кушает? Молока хватает?

– Всё вытягивает. Бывает, за ночь раза три просит. Скорей бы уже прикорм начать.

– Это хорошо, хорошо. Пусть растет радость наша. Ох, и в тяжелое время она родилась, почитай как в войну, даже хуже..., – снова принялась нагнетать тётё Даша.

– Готово, носите на здоровье, – Соня протянула кофту, кротко улыбнулась и поспешила домой в коттедж номер двенадцать.

Бесшумно прикрыв за собой дверь, первым делом молодая мама взглянула на детскую кроватку. Малышка, которой недавно исполнилось пять месяцев, сладко посапывала в своей колыбельке.

– Тебя надо в разведчики определить, тихо подкрадываешься, шаг легкий, – улыбнулся Тимур, не отвлекаясь от чистки карабина, – кого встретила?

– Тёте Даше помогла немножко. Ходит в обносках латанных-перелатанных, а новые вещи не хочет брать, для нас бережет.

– Старые люди экономные, есть чему у них поучиться.

– Надя не просыпалась?

– Сопит как сурок. Давай чаю поставим, мне через час на смену.

Соня взлохматила голову мужа и взяла с полки ножницы:

– Тимурчик зарос – не видать из-под волос. Как раз успею тебя подстричь. Стыдно, что у парикмахера муж ходит как леший.

– Под банданой не видно, – Тимур отложил оружие в сторону, поднялся и обнял сзади любимую супругу.

– Ой, мы ВСЁ не успеем. Либо ЭТО, либо стричься, – легкий румянец вспыхнул на лице Сони.

Тотчас проявились милые ямочки на щечках. Эти ямочки свели Тимура с ума при их первой встрече, и с тех пор он продолжал находиться в приятном безумии.

– Я согласен еще денек лохматым походить, – муж запустил теплую ладонь под кофточку Сони.

– Нет, давай вечером. Ты же знаешь, я не люблю второпях.

Одинцов разочаровано выдохнул, смирился и послушно уселся в кресло перед зеркалом. С каждым шелчком ножниц на пол падали густые вихры черных волос. Соня хорошо знала свое дело, ей понадобилось двадцать минут, чтобы привести прическу Тимура в порядок.

– Так гораздо лучше. Красавчик мой! Хочешь, молнии на висках выбрею?

– Зачем?

– Ну... хорошо будет с твоей кличкой сочетаться.

– Флэш это не кличка, а позывной, – поправил Тимур, – молнии говоришь? А давай, прикольно.

Соня взялась за машинку, осторожно выбривая узор. До эпидемии она считалась одним из лучших мастеров в городе, запись к ней в салон шла за месяц.

– Вот, теперь готово.

– Казак в бою должен быть красивым, – ухмыльнулся муж, рассматривая новую прическу.

– Сплюнь! У нас к счастью тихо, пусть так и остаётся...

Но не успела Соня договорить, как раздался осторожный стук в дверь. Женская интуиция мгновенно почувствовала опасность, сердце тревожно защемило.

– Доброе утро. А я тут это... Тимур, дело есть. Давай к Пастырю, – пробасил Егорыч, заглянув в домик.

– Выхожу, оденусь только.

Через минуту мужики бодро шагали в «штаб» – так теперь назывался бывший ресепшен базы отдыха. Тимур Одинцов был достаточно рослый и крепкий парень, но по сравнению с Егорычем выглядел, словно скворец перед орлом.

Быков Василий Егорович оправдывал фамилию. В свои пятьдесят он сохранил молодецкую силу, мог легко погнуть толстый стальной прут или поднять два тяжелых мешка. Но при этом сложно было найти человека добрее и честнее. В общине все звали его просто Егорыч.

Миновав половину базы, они обогнули бассейн, служивший теперь резервуаром для пресной воды. Штаб располагался у главных ворот, рядом возвели наблюдательную вышку, протянули колючку поверх забора, в общем, укрепились подручными средствами как смогли.

– Егорыч, на кой лях нам такая ванна? Скважина же есть, колонка. А бассейн простаивает. Давай туда карасей запустим? Рыбачить прямо с шезлонгов будем.

– А если что случится со скважиной и насосом?

– Так ты починишь! Вот прям сейчас рядом инопланетяне расшибутся, так ты и летающую тарелку их подшаманишь с помощью молотка, скотча и мата. Еще лучше прежнего полетит!

– Ну, Флэшка, насмешил! Инопланетяне! Тарелка! Ха-ха-ха, – прогудел Быков.

Голос у него был под стать внешности, каждое сказанное слово вылетало точно из медной трубы. Егорыч носил бороду, а прямые седые волосы до плеч подвязывал очельем – ленточкой вокруг головы. Такого хоть в кино снимай, вылитый былинный богатырь или древний витязь. Но при всей харизме, профессию он выбрал самую рядовую – до эпидемии Быков работал в «Хали-Бали» завхозом, а вернее – мастером на все руки. Они у Егорыча росли откуда надо.

Мужики без стука зашли в штаб, где за столом их ждал Пастырь Петр Петрович. Человеку с такой фамилией не требовалось прозвище.

– Привет, Тимур. Значит так, Егорыч уже в курсе, теперь тебе озвучу – во время утреннего обхода Яшка с Араратом наткнулись на деда с бабкой.

– Пока на ЧП не похоже.

– Не ёрничай. Старики эти рассказали, что в Елизаветке лихие хлопцы появились.

– И насколько лихие? – скрестил на груди руки Одинцов.

– Вполне себе, – Пастырь вышел из-за стола, – десять человек уже ухлопали. Дедов этих в рабство определили – помыть, постирать, дров наколоть, еду приготовить. Еще несколько девок в плену держат для любовных утех.

– Елизаветка – закрытая территория, там только чесоточные живут. Нам смысл к ним лезть? Пусть сами разбираются, им всем недолго осталось, – пожал могучими плечами Егорыч. Несмотря на богатырскую наружность, он сторонился лишних разборок.

– Не нравится мне такое соседство, им до нас рукой подать при желании. Не больше часа езды, – нахмурился Пастырь, вертя в руках карандаш.

Благодаря солидному опыту работы на государственной службе Петр Петрович быстро прибрал нити правления общины к своим пухлым ручкам. Раньше Пастырь трудился в министерстве дорожного хозяйства Краснодарского края. Роста он был невысокого, с лысиной на макушке, сутулой спиной и солидным животиком. Руководить общиной ему очень нравилось, и он всячески любил подчеркивать свой статус. Даже в такое время Петр Петрович продолжал ходить в костюме и галстук, точно еще работал в своём министерстве.

Тимур Одинцов переживал, что когда-нибудь напьётся, сорвется и отметелит Пастыря до полусмерти. Да просто потому что бесит. Вот вроде никаких гадостей конкретных не делает, и говорит умно, но бесит. Однако сейчас Флэш согласился с мыслями председателя насчет беспокойных соседей:

– Численность противника?

– Пять мужиков. Возможно, есть союзники, но старики толковали про пятерых.

– Оружие?

– Дед подметил три ружья, карабин, несколько пистолетов.

– Ну, хоть без танка, – пробасил Егорыч, покачиваясь на скрипящем стуле.

Тимур подошел к окошку:

– Где они?

– Кто? – озадачено спросил Петр Петрович.

– Осведомители наши? Старики пленные где? Я хочу их лично допросить.

– Эээ... так они не пленные. Не стали парни их задерживать. Сам знаешь, кому охота с чесоточными лишний раз возиться? – Пастырь стукнул карандашом по крышке стола.

Одинцов недовольно посмотрел на него:

– Задерживать или не задерживать это мне решать, раз вы меня ответственным за оборону выбрали. Может, дед с бабкой засланные казачки и специально нам дезу слили? Мы сей-

час соберем отряд, за ворота выедем, а эти отморозки на базу нагрянут. Стариков нужно было задержать, чтобы в Елизаветку вернуться не смогли.

– Дед с бабкой дезинформаторы... шпионы..., ну не знаю. Чересчур ты подозрительный, Тимур. Сложную схему придумал. Да и вообще, чего ты на меня наезжаешь, как будто это я их отпустил? Вот Яшка с Арой вернутся, на них и наезжай, – проворчал Пастырь, возмущенный критикой в свой адрес. Он по старой чиновничьей привычке терпеть не мог когда «простой люд» начинал высказывать претензии.

Тимур вышел на улицу и включил рацию:

– Ящер, Ара, приём. Стариков из Елизаветки задержать сможете или вы их просохатили уже?!

– Они в Бэллозерный пошлѣпали. Догнать? – пробубнил динамик голосом Арарата.

Повисло молчание, наконец, Одинцов принял решение:

– Нет. На базу давай. Время дорого. Отбой.

Возвращаться в штаб и смотреть на важную рожу Петра Петровича не хотелось, поэтому Флэш отправился в противоположный конец базы, где стояла еще одна сторожевая вышка.

– Гусь, сменись с кем-нибудь. Через час на зачистку выезжаем.

– Внезапно. И кто наш враг? – коренастый парень со щербатым лицом высунулся с вышки.

Антоха Гусев был закадычным приятелем Тимура еще со школьной скамьи. Они вместе сидели за одной партией, вместе занимались рукопашкой и в армию ушли тоже вместе. Правда, Гуся отправили на флот, а Флэш топтал сапоги в ракетных войсках.

– В Елизаветку стоняем. Надо превентивно устранить проблему, – коротко объяснил Одинцов.

Спустя час «Рено Дастер» болотного цвета выехал за ворота «Хали-Бали». За рулем сидел Тимур, рядом устроился Гусь, а на задних местах расположились Яшка с Араратом.

– Флэш, брат, а почему мы вчетвером против пяти поехали? Ты нэ подумай, что я жим-жим, но мы же могли собрать бригаду человек дэсять, – Ара нервно теребил бороду, изучая пейзаж за окном.

– А если дед с бабкой набрехали? Мы все силы с базы выдернем, а охранять кому? Я Пастырю сказал, чтобы до нашего возвращения удвоил караул. Пусть хоть сам на вышку лезет. В галстукѣ.

– Не, Флэш, старики перепуганные насмерть были. Они не врали, зуб даю, – попытался убедить командира Яшка Шкуркин по кличке Ящер.

Парень и в правду напоминал ящерицу – худой, мелкий, шустрый, пронырливый. Яшке редко везло по жизни, но с базой подфартило. Он поселился на «Хали-Бали» последним, после него в общину уже никого не принимали.

– Береги зубы, Яша, болтай поменьше. Испуганным прикинуться любой дурак может, – Тимур посмотрел в зеркало заднего вида и переключил скорость.

– Э, брат! Хорошо, что ты такой мнительный. Так и надо. Сейчас, отвечаю, никому верить нѣльзя, – кашлянул Ара.

Арарату Бабикину перевалило за тридцать, но с бородой он выглядел на десять лет старше. А без бороды никто из «балийцев» его не видел. Ходила байка, что однажды в драке он откусил человеку нос. Ару уважали. Даже сам Пастырь боязливо отводил глаза, когда Арарат впивался в него своим тяжелым взглядом.

Узкая дорога закончилась, «Дастер» выкатился на трассу и ускорился. Серая бандана Тимура заколыхалась от ветра. Одинцов точно знал куда ехать. Последние три года до эпидемии он работал в такси и лучше любого навигатора мог рассказать о Краснодаре со всеми окрестностями.

– Предупредительных выстрелов не делаем, сразу на поражение, – дал установку Флэш.

Между Краснодаром и станицей Елизаветинской было меньше пяти километров. Рано или поздно город бы её поглотил. Но теперь из-за чесоточников местные власти отсекли Елизаветку, точно воспалившийся аппендикс. Когда правительство еще пыталось бороться с эпидемией, здесь на скорую руку возвели больничный модульный городок для изоляции зараженных. Поначалу люди соглашались ехать добровольно. Затем их стали свозить принудительно.

Это не помогло. Бурая чесотка всё равно победила, и власть самоустранилась от решения проблемы. Больных бросили. Впрочем, большинство пятнистых к тому моменту умерли или разбежались куда подальше. А тех, кто попытался вернуться в город, прогнали обратно банды чистильщиков. Какое-то время, чтобы чесоточные не вылезали из резервации, по субботам в Елизаветинскую приезжала пара армейских грузовиков с «гуманитарной помощью». Солдаты выбрасывали из кузова мешки с мукой, крупами, солью, сахаром, чаем и тут же сматывались. Но эти подачки тоже закончились. Как говорится: «Вы держитесь, всего вам доброго, хорошего настроения и здоровья».

– Полный писец, – Ящер растерянно озирался на остовы сгоревших коттеджей. Местами пожара тянулись целыми кварталами.

Однако жизнь здесь еще теплилась. Тимур заметил впереди мужика с пустым ведром и на полной скорости резко свернул. От лихого маневра Антоха чуть не вылетел в окно:

– Полегче, Шумахер.

– Нервный я стал. Не высыпаюсь просто. У дочи колики по ночам, плачет так, хоть из дома беги. Ладно, у меня еще смены, дежурства, обходы там всякие, имею законное право вырваться. А Сонька с ней сутки напролёт. Не представляю, как она это выдерживает.

– Э, брат, это чисто жэнская тема. Природа всё прэдусмотрела. Гэн у них есть спэциальный, чтобы с дитями возиться, – экспертно пояснил Арарат.

Одинцов прочитал на табличке адрес и затормозил:

– Цель близко. Не будем вплотную подъезжать, оставим пространство для маневра. Машину только заныкаем. Вон место подходящее – хата сгорела, а забор уцелел. В этом дворе и оставим. Гусь, Ящер – отоприте ворота. Ара, прикрывай.

Парни действовали слаженно. Никому не хотелось задерживаться в Елизаветке и лишнюю секунду. Казалось, что из каждого уцелевшего дома за ними следят мстительные чесоточники.

– Ящер, охраняешь тачку. С рацией не расстаёшься, даже чтобы задницу вытереть, коль приспичит. По первому сигналу выкатываешь колёса и ждешь нас. Вопросы?

– Ясно всё. Аккуратней, пацаны, – выдохнул Шкуркин, прощаясь с товарищами.

Одинцов взял любимую «Сайгу» и пошел первым. Слушая, как хрустят берцы по гравию, Тимур вспомнил едва уловимый звук шагов Сони. Все резко замерли. Из кустов вылез пятнистый кот и тут же прыгнул за ограду. Выдохнули. Подождали. Прошли еще метров пятьдесят. И вдруг поблизости заиграла музыка на всю катушку.

– Как говорится «помирать так с песней»? Кажись на нашем объекте дискотека? – предположил Антоха.

– Девять из десяти. Уверен, эти хлопчики тут никого не боятся. Отрываются. Нам же лучше.

– Втроем против пяти, – констатировал незавидную математическую пропорцию Антоха.

– Предлагаешь еще Ару отцепить? – улыбнулся Флэш, – спакуха, это на бумаге счёт не в нашу пользу, зато есть фактор внезапности. Сейчас направо, если я не путаю, эта улица параллельно идёт. Найдем домик напротив и всё разведем.

Одинцов не ошибся. Адрес, который указали старики, совпал с местом, где шло веселье. Разведчики тихо вскрыли двухэтажный коттедж через дорогу и установили наблюдение.

– Вижу на участке четыре тела. Уверен, что бухие. Двое чуть не подрались из-за бутылки пива. Дозорных нет, дисциплина на нуле, – Тимур передал бинокль Аре, обдумывая план атаки.

– Четыре? Нет, дедушка говорил их пять – напомнил Арарат, – надо пятого найти.

– Он мог уехать за водярой. Не сами же они гонят? – щербатое лицо Гуся застыло в напряжении.

Флэш посмотрел на солнце:

– Подождём, время есть.

На пару часов движение по территории затихло. Но музыка продолжала долбить из колонки, которую демонстративно выставили в окно, для поднятия настроения всем соседям. В паузе между треками, слышалось тихое тарыхтение бензинового генератора. Бандиты не бедствовали. Ближе к закату завертелась суeta возле бани: двое таскали воду, третий рубил дрова, четвертый ходил вдоль забора с карабином на плече.

– Вот и караульный, а ты их ругал, – отметил Гусь, – когда штурмуем?

– В баню пойдут, распарятся и накроем их тепленьких.

– Пленных берем? – уточнил Арарат.

– Не обязательно. Если получится, можно допросить. Нет, так нет.

По этому вопросу разногласий с Тимуром не возникло. Вскоре над баней задымила труба, противники отправились в парилку, прихватив для увеселения пару девушек. Одна пыталась сопротивляться, но после пинка в живот, смиренно поплелась вместе со всеми.

Одинцов взял рацию:

– Ящер, как обстановка? Приём.

– Нормально, тихо. У вас что? – послышался встречный вопрос от Шкуркина.

– Начинаем работать. Жди команды. Отбой.

Ботинки, плотная одежда, банданы, защитные очки и, конечно же, перчатки. Без них вообще никуда. Перед атакой парни еще раз проверили, что кожа максимально закрыта. Поймать чесоточного клеща дело нехитрое. Одно прикосновение к пятнистым – и, считай, ты в их клубе.

Троица подкралась к забору с глухой стены дома. Оружий магнитофон выступил верным союзником, заглушая все остальные шумы.

– Антоха – зачищаешь хату, Ара – со мной к бане.

Из динамика на всю округу растекалась тюремная лирика группы «Бутырка». В парилке стало жарко во всех смыслах: крики, стоны, пьяный смех и шлепанье веников сменяли друг друга.

Одинцов жестом указал Арарату на окно, а сам шагнул к двери. Выстрел. Второй. Третий. Когда «Сайга» замолчала, гаркнул Тимур:

– На выход!!

Но девки продолжали визжать. Флэш дал им время прийти в себя и обернулся к напарнику:

– Чисто, давай к Антохе.

Гусь, не дожидаясь подмоги, уже вышел на крыльцо:

– Пятого нашел. Только не знаю, считать его пленным или нет. Обдолбанный валяется на диване, вокруг шприцы, «колеса» рассыпаны, сам лыка не вяжет. Проверил комнату и запер его.

– Добро. У нас трёхсотых нет. Сначала баб допросим, потом разберемся с наркошей, – облегченно выдохнул Одинцов.

Пленницы прикрыли голые тела халатами и робко вышли на улицу. Рыжая и брюнетка, молоденькие, худенькие, с заплаканными глазами и синяками от побоев. Девчонки дрожали и клацали зубами, каждый шаг они делали с мучительной осторожностью.

– Как зовут? Давно здесь? – спросил Тимур.

Первой ответила брюнетка:

– Я Женя.

- Ира, – представилась рыжая, – неделю примерно, может больше, я счет дням потеряла.
- Мы с парнями ехали к морю. Они догнали, прижали к обочине, мальчиков убили...
- ... а нас сюда притащили.
- Издевались как хотели...
- Мы чистые были, здоровые! А теперь..., – Женя разревелась, села на траву и обхватила голову руками.

Антоха и Тимур переглянулись, понимая незавидную долю девчонок. Смерть внесла их в свой отложенный список. Флэш постарался выбросить эти мысли из головы, у него своих забот хватало:

– Трупы в бане сожжем. Там генератор трещит, значит, горючки полно. Ара, поищи канистру.

– А нам что делать? – дрожащим голосом пролепетала Ира.

Гусь лишь беспомощно развел руками:

– Прибейтесь к местным. Тут вроде еще старики жили?

– Да, дедуля с бабулей. Хорошие. Они сбежали сегодня. Мы тоже хотели, но не смогли.

Нас отдельно держали.

– Если повстречаете их, спасибо скажите. Старики наводку дали.

В глазах девушек читалось опустошение. Точно из тряпичных кукол вытащили всю набивку, превратив в бесформенные куски ткани. Их спасли от насильников, дали свободу, но что с ней делать Ира и Женя не знали. В город им путь заказан. Друзей и знакомых здесь не было. Девчонки одновременно подумали об одном и том же.

– Убейте меня, – неожиданно холодно и сурово попросила Женя, – всё равно конец, так лучше быстро.

Гусь кашлянул и отошел в сторону. Он бы не смог. Одинцов посмотрел брюнетке в глаза и положил палец на спусковой крючок:

– Дело твоё. Только спиной повернись. Не хочу в лицо смотреть.

Женя вздрогнула, побледнела, но послушно отвернулась. Ноги подкосились, девушка упала на колени. В голове медным колоколом звенела только одна мысль:

«Скорее, не тяни, стреляй! Зачем ты мучаешь меня?! Почему вы все меня мучаете?!
Как же больно, не хочу ничего чувствовать, не хочу!!!»

Она упала, затряслась, взмахнула руками и крикнула:

– Нет... не убивай, не убивай, пожалуйста! Я не готова!

Флэш опустил «Сайгу». Ира бросилась утешать подругу, они обнялись и зарыдали.

– Вас недавно заразили. Люди с этим год живут. И дольше бывает. За год много всего может произойти, например, вакцину найдут. Слышите? Вакцину! Завтра все может измениться. Так что не дурите и цените каждый день, пока дышите. Среди чесоточников есть адекватные люди, не все такие отморозки. Пообщайтесь с местными. А если торчать в Елизаветке не хотите – двигайте к морю как мечтали. Сейчас вечера теплые, пешком дойти реально. Палатку найдите и вперед.

Тимур оставил девчонок обдумывать эти слова и направился в дом, решать вопрос с пленником. Тот растянулся в отключке на продавленном засаленном диване, даже не подозревая, как резко поменялась его жизнь.

– Перэдоза. Сэкономили патрон, – Арарат открутил пробку от канистры и наклонил ёмкость, чтобы облить тело, но Одинцов его остановил.

– Еще дышит. Живьем не по-человечески сжигать даже таких тварей.

Карабин выплюнул пулю в сердце, но выражение лица наркомана не поменялось. Ара чиркнул спичкой:

– Сдох и не заметил.

Огонь охватил дом и баню вместе с мертвецами. Ира с Женей отправились куда глаза глядят, дожидая отпущенный им срок, а разведчики вернулись к машине.

– Ты правда бы её стрельнул? – тихо поинтересовался у друга Антоха.

– Разве что над ухом. Просто хотел разбудить в ней стимул.

– Выглядело натурально, я поверил.

Одинцов обернулся посмотреть, как черный едкий дым заволакивает голубое небо:

– Кто знает, может им повезёт. Поехали. Задание выполнено. Counter-terrorists win.

Глава 6. Куница

Юлька сидела в «скворечнике», полируя горизонт скучающим взглядом. Её должна была сменить Улька Ложкина, но та никогда не приходила вовремя. Куницу это бесило. Она выглянула в другое окно, заметив как из дома Бобровых вышли Витька и Сашка. Приятели остановились возле «скворечника», приветливо махнули Юльке и принялись разминаться. Началась тренировка.

Сашка Таран подавал неплохие надежды в боксе перед эпидемией. Вот и сейчас он легко уходил от атак Бобра-младшего, наносил точный удар и тут же отскакивал в сторону. Сначала друзья не вкладывались, но затем Витька пропустил несколько оплеух и завелся.

– Руки подними. Фух. Защита. На! Выше руки! – напоминал Швец, смещаясь в стороны.

Но Бобёр-младший шел напролом, отбивая удары головой, лишь бы захватить по Сашке самому. Он был выше и крупнее, дрался на улице с малых лет, но только сейчас решил заняться боксом. Витька почти прижал Тарана к дубу, но тот снова нырнул под правую руку и мгновенно шлепнул левой по печени.

Бобёр крикнул от боли, присев на колено:

– погоди, сейчас отдышусь и продолжим.

– Ты одним ударом всё решить хочешь, а я прошу сериями работать. По этажам бить. У тебя на мешке и лапах хорошо получается, а как спарринг, ты опять свои колхозки включаешь...

– Этими колхозками я таких быков выносил, тебе и не снилось.

– Бокс – не драка, а благородный кулачный спорт, – Таран скинул перчатки и хлебнул воды из бутылки, – над ногами поработай, больше на скакалке прыгай.

– Угу, – Витька поднялся, всё еще держась за ноющую печень.

Куницына высунулась по пояс из «скворечника», с любопытством глядя на парней:

– А зачем вы учитесь драться, если пятнистых всё равно трогать нельзя?

– В перчатках-то можно, – прохрипел Бобров.

– Папа говорит вообще не прикасаться, даже в водолазном костюме.

Сашка вытер майкой вспотевший лоб:

– Это он перестраховывается. Вот если чесоточник начнет меня бить, что мне делать? Стоять и смотреть?! Допустим, между ног смогу пнуть, но я не кикбоксер, одними ногами не отобьюсь.

– А убежать?

– А если окружили? – парировал вопрос Швец, – к стенке приперли? По мне так-то лучше разок в бороду захватить, чем самому пропустить. Да и вообще, почему сразу с чесоточниками драться? Какой-нибудь обычный мудака ползет...

Но Юлька заметила Ульяну и сразу потеряла интерес к дискуссии:

– Вот и наша Мисс-пунктуальность. Всего на полчаса опоздала.

Старшая из сестер Ложкиных в облегающих голубых джинсах и кофточке с глубоким вырезом не торопясь приблизилась к посту наблюдения. Она грациозно покачивала бедрами, точно молодая кошка в брачный сезон. Эпидемия эпидемией, а юношеские гормоны никто не отменял. Тем более весной. Витька сразу поднялся и выпятил богатырскую грудь, забыв о нокдауне.

– Деретесь? – промурлыкала Уля.

– Так, слегка, чтобы не заржаветь, – вальяжно пробасил Бобёр-младший.

Без лишних приветствий Куница скинула веревочную лестницу, а сама соскользнула по канату:

– Принимай смену, опозданка.

– Ой, да ладно. Попросила бы мальчишек подменить, если торопишься. Я маме в теплице помогала.

При слове «мама» у Юльки кольнуло в груди. Но она давно научилась прятать эмоции в таких случаях.

– Зачем я буду отвлекать их от тренировки? Я чужое время уважаю.

– Всё-всё, Куница, не нуди, – Ложкина взялась за болтающуюся лестницу и поставила ногу на первую ступеньку. Витка с нескрываемым интересом пялился на круглую попу Ульяны. Она плавно поднималась на «скворечник», дразня парней. Сашка тоже не удержался от соблазна поглазеть снизу на аппетитные формы. Юлька это заметила. Куница не ревновала, просто стало чуток обидно:

«На меня он так не смотрит. Улька красивая. Куда уж мне до неё? Эх, не всем везёт с таким орехом. Ладно, подумаешь, я и не хочу, чтобы на меня таращились...»

Куницына развернулась и направилась домой.

«Они даже не заметили, что я ушла. Никому до меня нет дела. Вот умру, и все забудут через день».

– Юль, стой! – раздался позади голос Сашки, – погоди, я поболтать с тобой хотел. Наедине.

– О чем?

– Ну... пфф... о том случае с птенцом, – его голос звучал непривычно взволновано, – ты как втопила тогда, хоть на олимпиаду отправляй. Не знал, что так быстро бегаешь. Вооот...

– А ты за мной гнался?

– Так... для подстраховки. Ты сразу домой пошла, я лезть не стал, а сегодня... ну... это... поговорить решил.

– А что тут разговаривать? Я ж истеричка. Психую по любому поводу. И ПМС вдобавок. Швеец смутился, это позабавило Юльку.

– Просто хотел сказать, чтобы ты не расстраивалась. Твой батя вернул птенца в гнездо. Он просто за тебя испугался...

– Саш, пошли на чердак?

– Чего?

– На чердак к Глухаревым полезли? Я сейчас как мышь – хочу забиться в тёмную норку, одной побыть. Но тебе со мной можно, если бесить не будешь.

Дом семьи Глухаревых давно пустовал. Он стоял за периметром «зоны безопасности», как обозначил их охраняемые участки Бобёр-старший. В этом заброшенном коттедже Куница иногда любила уединяться, заранее предупреждая отца кодовой фразой: «я на чердак». Тут царил особенная атмосфера, не такая как дома. Здесь пахло одиночеством. Пустотой. Таинственностью. Романтикой. А еще вкусной кедровой вагонкой.

Звякнули ключи, Юля повернула дверную ручку, элитный паркет чуть скрипнул, приветствуя гостей. Они поднялись на второй этаж, где Куницына привычным движением выдвинула чердачную лестницу и первой вскарабкалась в потайное убежище.

– Апчхи! – в носу Сашки резко засвербело, – Апчхи!

– Будь здоров, – Юля с наслаждением стянула перчатки, – фух, ладони в них преют жуть. Смотри, как скукожились.

– Э! Э! Ты уверена, что тут можно?!

– Сам же знаешь – клещи живут вне тела носителя максимум сутки. А здесь уже сто лет никого кроме меня не появлялось.

– А крысы, мыши...?

– Тогда какашки бы остались. А тут видишь, как чисто? Только пыль...

Таран снова чихнул так громко, что Юля даже вздрогнула. Швеец вытер нос рукавом рубахи:

– Какашки, говоришь? Я смотрю, ты по грызунам большой специалист.

– Угу. Жил у меня в детстве белый крыс Жорик. Смешной такой, милаха. Давно, до школы ещё.

Сашка выглянул сквозь пыльное окно на заросший сорняками задний двор. Он не особо проникся чердачной атмосферой. Здесь даже присесть негде было, только кусок туристического коврика валялся на полу.

– А «скворечника» тебе мало? Он поуютнее, чем это....

– Ну... там проходной двор, а на чердаке меня точно никто не побеспокоит.

– И чем ты занимаешься, что тебя нельзя беспокоить? – лукаво прищурился Швец.

– Рука-лицо. Очень смешно. Люк там, вали отсюда. Я тебя предупреждала...

– Сдаюсь, пощади, еще один шанс. Пожалуйста. Мне тут уже нравится... ну почти, – продолжал ёрничать Таран, – всё, я серьёзен. Клянусь, что унесу твою тайну в могилу. Правда, расскажи, что ты здесь делаешь в одиночестве?

– Думаю, мечтаю, грущу, смеюсь, люблю, ненавижу... презираю. Дневник еще веду. Стихи иногда пишу, правда, они дурацкие, корявые получаются. Я тебе их никогда не покажу, даже не проси.

– А дома это делать нельзя?

Куница вздохнула, провела рукой по деревянным стенам, слегка царапнула вагонку и упёрлась лбом в оконную раму:

– Можно. Но эта атмосфера больше располагает.

– Ладно, буду знать, где тебя искать, если вдруг пропадешь.

– Нет, Сань. Когда пропаду, то не надо меня искать. Просто забудь и всё.

Таран сдвинул брови и строго уставился на подругу:

– Ты о чём?

– Знаешь, я иногда завидую чесоточникам.

– Охренеть...

– Не тем, которые спиваются в вонючей лачуге, дожидаясь смерти, а другим. Тем, кто уходит. На море, в горы, к озёрам. И там остаются. У них все как-то понятно, определено. Они даже примерно знают, когда умрут. От этого и страшно и одновременно спокойно. Они не цепляются за жизнь как мы с тобой. Не боятся каждого шороха в кустах, бродячей кошки или горлицы на крыше. Если так подумать, пятнистые живее, чем мы, потому что они живут..., ЖИВУТ каждый день, наслаждаясь им от рассвета до заката. Ведь они знают, что таких дней раз-два и обчелся.

– Ну, загнула, – выдавил из себя Сашка, приоткрыв рот.

– Я не надеялась, что ты поймешь. Можешь считать меня идиоткой, плевать. Просто хотелось высказаться, надоели эти мысли в голове держать.

– Не, ну логика определенная присутствует. Но зря ты им завидуешь. В чем радость знать, что не доживешь, скажем, до зимы?

– А в чем радость НЕ знать?

Таран впал в легкий ступор от такого вопроса:

– Эээ... ну как....

– Ты думаешь, мы проживем дольше, чем многие пятнистые?

– Естественно! У нас есть шанс, а они обречены без лекарства.

Куница села на пол, чуть раздвинула ноги, наклонилась и обреченно опустила голову между колен:

– А я не хочу жить в ТАКОМ мире. Не смогу я к нему привыкнуть! Все эти страхи, перчатки, «скафандры»...

– Зато мы здоровы.

Юлька оттянула водолазку от горла:

– Это душит меня. Всё это... каждый раз, как выхожу на улицу! Перчатки скоро в кожу вращут. Ты хочешь себе дерматиновую кожу? Я – нет...

Сашка присел сбоку и осторожно обнял её за плечо:

– Юль, это не навсегда. У тебя же батя – историк, сама спроси у него, сколько эпидемий случилось. Испанка там, оспа, чума всякая. Ну, пережили же всё! И с этой заразой справимся.

– Да он постоянно трюндит! Тошнит от этих разговоров! Скоро всё будет хорошо, скоро всё наладится..., – передразнила Куница оптимистичную интонацию отца, – только с каждым днем ВСЁ хуже. Не доживу я до вашего «СКОРО»!

Юля отвернулась, закрыла ладошками глаза и скрючилась на полу.

– Эй, ты прям сейчас кони двинуть собралась? Нашла время, – Таран пощекотал подружку между рёбрами, Куница брыкнула ногой ему в живот.

Вдруг с домика на дереве прозвучал сигнал тревоги – дважды мрачно звякнул колокол. Прошлой осенью Историк нашел его на развалинах сгоревшей часовни и повесил в «скворечнике».

– Сиди тут! – Таран пулей вылетел на подмогу, но Юлька и не подумала его слушаться.

Михаил Ильич с Витькой стояли возле поста наблюдения, укрывшись за дубом. По отработанной схеме Бобёр-старший занял оборону на втором этаже своего коттеджа, Сашка притаился за углом.

«Я спокойна, уверена. Мне не страшно, не страшно, не страшно...», – Куница сняла «травмат» с предохранителя, вспоминая всё, чему учил её Тарас Романович. Когда подул ветер анархии, Бобров лично вооружил соседей из своих резервов. Юльке достался самозарядный пистолет «Байкал МР 356» и без него она из дома теперь не выходила.

За оградой столпились чужаки. Два десятка бродяг всех мастей и возрастов – дети, взрослые, старики. Изможденная толпа с потускневшими глазами и пятнистой кожей. Чесоточники. Разносчики смерти.

От «Весны» на переговоры отправился Историк. Он остановился в метре от забора, пытаясь определить вожака. Из толпы вышла женщина лет тридцати, привлекательная блондинка с фигурой фитнес-тренера миролюбиво подняла руки, затем прижала их к сердцу и поклонилась:

– Добрый день. Я – Мария. Мы извиняемся за беспокойство, но вынуждены просить о помощи. Пожалуйста, налейте нам немного воды. Недавно пять человек отравились, когда пили из реки, теперь мы страдаем от жажды. У нас дети, старики. Сжальтесь над ними.

Зараженные покорно склонили головы, с надеждой глядя на Куницына.

– Плохая идея пить оттуда, где плавают трупы. Вы не местные? Куда направляетесь?

– В сторону Анапы. Там, говорят, есть приют, сообщество для нас.

– «Свет надежды»? Слышал. Разное про них болтают. Не советую обольщаться раньше времени, это не санаторий.

– Мы просто ищем последнее пристанище. Только острая необходимость вынуждает нас приближаться к вам... здоровым, – Марии тяжело далась последняя фраза.

«Недавно заразилась, видать», – решил Михаил Ильич. Девушка заметно отличалась от затравленных, немощных, озлобленных спутников. Её красивая сильная фигура еще дышала жизнью, в движениях ощущалась энергия, а во взгляде – надежда.

– Воду нальём. Но не приближайтесь, у нас тут снайперы, стреляем без предупреждения, – пригрозил Историк.

Бродяги покорно топтались на месте. Пока Сашка с Витькой охраняли ворота, Юля на соседнем участке вплотную подошла к решетчатому забору. Кунице хотелось лучше рассмотреть чесоточников, какая-то сила тянула её к ним, точно красная кнопка с надписью «не нажимать» так и манила прикоснуться.

Внимание Юли привлекла маленькая девочка лет четырех, с длинными волнистыми волосами. Её давно не расчесывали, между прядей запутались сухие травинки, а на лбу и щеках расплылись грязные разводы.

Малышка смотрела голодными обиженными глазами, не понимая, почему эти дяди и тётки живут в своих теплых домах, а её семья слоняется по дорогам и ночует где придётся? Почему соседи ополчились на них, подожгли дверь и вынудили сбежать из собственной квартиры? Почему полицейская машина пугала сиреной? Почему четверо мальчишек вчера забросали их камнями? И почему так чешется ножка под коленкой и когда это закончится?!

– Юля, хватит грызть ногти! А то черви в животике заведутся, – мама шлепнула девочку по руке.

Куница вздрогнула, словно обратились к ней. Ребенок между тем капризно уселся на дорогу, продолжая покусывать заусенцы и расчесывать зудевшее пятно.

«Юля... она тоже Юля. Такая маленькая, напуганная, но вместе с тем сильная. Да-да, она сильнее меня. Ведь она терпит эту жизнь, борется до последнего. А я? Я почти сдалась, струсилась, проиграла...»

Их взгляды встретились. Куницына не выдержала и отвернулась, ей стало стыдно. Стыдно, за то, что не способна помочь этой девочке. А еще стыдно за свою слабость.

Малышка что-то пробормотала, мама сделала испуганные глаза и шикнула:

– Ты что?! Нет, туда нельзя! И на домик на дереве нельзя. Стой тут, а то попить не дадут!

Историк сдержал слово. Вместе с Тараном они вынесли десять двухлитровых бутылок и поставили на землю.

– Можно не кипятить, у нас скважина глубокая. Сами всегда сырую пьем, – сказал Михаил Ильич, отшагнув на безопасное расстояние.

Мария сложила ладони в намасте и снова поклонилась:

– Спаси вас Бог! Сейчас так мало добрых людей. Я понимаю, что мы хуже прокаженных, но не преступники же. Ох, я совсем забыла, кстати о преступниках... вы уже слышали о потрошителях?

– Что-что? О ком вы говорите? – напрягся Михаил Ильич.

Мария облизнула пересохшие губы, терпеливо дожидаясь, когда дети и старики утолят жажду.

– Под Краснодаром случилось несколько очень странных убийств. Не типичных.

– Давайте к сути.

– Люди говорят о маньяках. Они подвешивают жертву, распарывают живот, а внутренности вырывают. Но самое необычное в том, что потом человека фаршируют землей, камнями, мхом, всем чем под руку попадётся. И зашивают живот. Представляете?

Михаил Ильич почесал бороду, по шее пробежало нервное покалывание:

– Я теперь всё что угодно могу представить.

– А кто вам это рассказал? – с недоверием спросил Швец.

– Собратья по несчастью. Мы позавчера узнали, – до Марии дошла очередь, она приняла бутылку, сделала глоток, подержала несколько секунд во рту и только затем проглотила, – я лично тела не видела, возможно, это чьи-то выдумки, ручаться не могу. Только хотела предупредить, берегите себя.

– Взаимно, – кивнул Историк, – удачи в дороге, сильно в глушь не забирайтесь, вдруг о вакцине объявят.

Грустная улыбка скользнула по губам девушки:

– Да уж... еще раз благодарю за воду... и вообще, за человечность. Что будет, то будет. Прощайте.

Когда пятнистые, прихватив бутылки, скрылись за поворотом, Сашка подошел к Юльке и тихо спросил:

– Ну что, еще завидуешь их определенности?

– По крайней мере, у них есть цель. И они к ней идут.

– А наша цель – выжить! Любой ценой. И мы справимся. Слышишь, Куница? Выкинь эти мысли из головы! Выжить надо, выжить! А там всё наладится. И здороваться будем без перчаток, и обниматься, и собак с кошками опять заводить.

Юля промолчала. Она вспомнила свою любимую корги. Всегда веселая, смешная, неутомная Смолли однажды тяжело заболела. Ветеринары оказались бессильны, пришлось усыпить. Никогда Юлька так горько не плакала.

Это произошло до пандемии Бурой чесотки. К счастью. Юля не представляла, что бы с ней случилось, если бы Смолли забрала санитарная бригада. Когда вышел указ об уничтожении домашних животных, пролилось столько слез, что хватило бы наполнить второй Байкал. Вот только это не помогло, всё оказалось напрасно. Болезнь уже распространилась среди большинства населения, всем оставалось лишь наблюдать как город за городом, страна за страной, покрывались пятнами очагов заражения.

– Собаки у меня больше не будет, – Куницына вытерла подступившие слезы и пошла домой.

Глава 7. Бараны или волки?

Хирург поставил на стол два полных стакана. Кочерга и Люба недоверчиво покосились на красный напиток. Сложно было назвать эту субстанцию аппетитной, да и на лекарство оно никак не походило.

– Чего это? – поинтересовалась шатенка.

– Кровь.

– Че? Кровь...? Охренеть. Сам её пей! Мы тебе упыри, что ли?! – возмутился Костя, сжав увесистые кулаки.

Доктор невозмутимо осушил стакан и вытер губы:

– Эта кровь – лекарство, благодаря которому я всё еще жив. Я же говорил, как давно заразился?

– Чья кровь-то? Свины? Собаки? – Кочерга недоверчиво понюхал стакан.

– Пробовал этот вариант... увы, не помогает. Только человеческая кровь замедляет развитие болезни. Поймите правильно, я не говорю, что моя метода излечивает – как видите, пятна еще видны, если присмотреться внимательно. Но после каждой порции крови они бледнеют, а зуд прекращается полностью. Проблема в том, что кровь надо пить регулярно, иначе пятна вновь проявляются, вместе с остальной симптоматикой. А доноры ко мне в очередь не выстраиваются.

– Так ты сюда нас привёл, чтобы кровь выкачать? – Люба отступила за спину жениха.

Хирург с тяжелым вздохом приложил ладонь к глазам, всем своим видом показывая, какую глупость только что услышал.

– Нет, ваша кровь не подходит. К сожалению. Иначе я зарезал бы вас вчера ночью и сделал запас на неделю. Нам нужна кровь здоровых людей. Чистых.

– Не чешется, говоришь? – в голосе Кости уже сквозило любопытство.

Тонкие губы Хирурга растянулись в улыбке. Он и не ждал, что новые знакомые тут же кинутся хлебать кровь залпом. Все так реагировали на первых порах. Предыдущие компаньоны тоже сначала воротили нос, а затем лакали, словно котятка молоко.

– Я предлагаю сотрудничество. Вместе легче добывать кровь. Ведь совсем не хочется умирать молодыми, верно? – водянистые глаза доктора с каким-то особенным блеском уставились на Любу. Та глупо приоткрыла рот и кивнула в знак согласия.

– Да, моя терапия нестандартна, но она действенна. Как говорили древние: *de gustibus non est disputandum* – о вкусах не спорят. Хочу заметить, это не кровь в чистом виде. Скажем так – это коктейль на основе крови с дополнительными медикаментозными компонентами. Я долго подбирал дозировку и нашел оптимальное соотношение.

Хирург соврал, он подстраховывался. В стакане была обычная кровь. С предыдущими подельниками доктор дал маху, когда сразу выложил всю правду, и больше не хотел наступать на эти грабли.

– Ладно, хуже уже не будет, – Кочерга пригубил, облизнул окровавленные губы и выпил залпом. Костя схватился за живот, едва сдерживая рвотные позывы, но через пару мгновений пришел в себя.

– В первый раз не очень приятно, но затем на вкус не обращаешь внимания, поверьте моему опыту, – доктор открыл холодильник и налил даме остатки Лёниной крови, – так вы с нами?

Люба растерянно посмотрела на жениха, затем на «лекарство».

– Хлебай, не ломайся.

– Гадость, – икнула шатенка, стукнув по столу опустевшим стаканом, – а пивом запить можно?

– Сегодня никакого алкоголя, – категорически отрезал Хирург.

Кочерга приуныл, но спорить не стал. Доктор с удовлетворением наблюдал за процессом приручения новых компаньонов. Скоро им предстояло испытание потруднее, чем выпить стакан крови.

– Поскольку вы опустошили мои запасы, то пора их пополнить. Сырье всегда должно быть свежее, в обычном холодильнике кровь долго не хранится. Без специального оборудования она быстро теряет свои лечебные свойства.

– В этой дыре еще есть электричество? – Люба обвела взглядом простенькое убранство дома.

– У меня на крыше солнечные батареи. Плитка на газе работает, вон баллон стоит. Вода из скважины, жить можно. Давайте вернемся к текущим заботам. Нам пора на охоту. С каждым разом искать чистых всё сложнее. В город соваться опасно, я стараюсь действовать в глухих местах. Может, у вас есть кто на примете?

Кочерга почесал грязную макушку. Люба задумчиво сдвинула брови и шелкнула пальцами:

– Знаю одну тётку. Она мне дальняя-предальняя родственница. Чудная малость...

– Её психическое состояние меня не волнует.

– Я когда заразилась, жрать было нечего, пришла к ней за помощью. Попросила, хоть пачку макарон мне через забор бросить. Так она камнем швырнула. Тварь конченная, – миловидное личико шатенки исказилось злобой.

– А почему ты думаешь, что она еще здорова? – уточнил Хирург, по-змеиному покачивая головой из стороны в сторону.

– Зимой дело было, сейчас не знаю. Она первая, кто в голову пришла, других вариантов у меня пока нет.

– И где проживает твоя полоумная тётушка?

– В Пластуновской. Раньше она мало с кем общалась. Нелюдимая баба. И животных терпеть не могла. Поэтому есть шанс, что чистенькая.

– Пластуновская? Хм... давненько я не заглядывал в те края. Стоит разведать. Завтра утром выходим.

– А мы это... её совсем того или как? – Костю охватил легкий мандраж. Несмотря на всю свою брутальность и воинственность, перспектива «мокрого» дела его заметно нервировала.

– Ну, если тётушка согласится отдать добровольно полтора или хотя бы литр своей крови, то убивать необязательно. Но на моей памяти никто такой щедрости не проявлял. Люди существа жадные.

Легкий смешок Хирурга, вместо ответной улыбки вызвал у бродяг спазм внизу живота и волну колючего холодка вдоль позвоночника. Глядя на этого субтильного доктора с узкими плечами и тонкими руками, они поняли, что он гораздо сильнее и опаснее, чем, кажется с первого взгляда.

– Заранее предупрежу. Кровь необходимо выпускать из живого человека. Главное – чтобы сердце работало, из трупа много не вытечет, – Хирург достал скальпель и перевел взгляд на Костю, – поэтому стрелять в голову, как только увидишь цель, не стоит. Иначе всё дело насмарку. Но я думаю, вы быстро усвоите эти нюансы, главное без самодеятельности. *Usus est optimus magister.*

– Опыт – лучший учитель, – неожиданно перевела шатенка.

– Ты че, мать, на латыни шпрехаешь? – опешил Кочерга и шлепнул подругу по заднице. Люба поморщилась от его грубых ласк:

– Препод по физике в школе часто так талдычил, вот и запомнила. Больше я не гу-гу.

«Эти, пожалуй, даже лучше, чем Макар, Васька Щербатый и остальное отребье. Послушнее будут, сговорчивее. Особенно когда эффект от терапии моей увидят. Осталось их в деле проверить», – Хирург потирал холодные ладони, обдумывая далеко идущие планы.

– Мы у тебя остановимся или другую хату искать? – Кочерга обвел взглядом скромное жилище доктора. Мебель, обои, линолеум, люстра – весь интерьер дома говорил, что ремонт тут не делали лет тридцать.

– Располагайтесь на втором этаже, а я здесь посплю, – хозяин кивнул на диван в гостиной, где прирезал Игорька.

Люба поскребла зудящую макушку и понюхала грязные каштановые волосы:

– А помыться есть где?

– Организуем. Я уже год соседской баней пользуюсь.

– Ох, и попаримся мы сегодня, Любаша, – развязно протянул Костя, обнимая подругу за талию. Та игриво хихикнула и виновато взглянула на Хирурга.

– Договоримся на берегу: с меня – лекарство, с вас – дисциплина и ответственность. Никаких попок, грабежей и мародерства без моего разрешения. Тут недалеко трупик одного паренька лежит, обугленный такой, могу показать. Мой бывший компаньон, к слову.

– За что ты его? – напрягся Кочерга.

– Сам виноват. Решил с друзьями инициативу проявить, в казаков-разбойников поиграть. Перестреляли их как уток, а Игорек один уцелел. Ну как уцелел... раненый едва ко мне дополз. Не смог я его спасти, так на моих руках и умер. Жалко мальчишку, но что поделаешь, глупость и самонадеянность сгубила. Поэтому если наш уговор нарушите, то я сразу курс лечения прекращаю. И можете проваливать назад в своё райское гнездышко системы «вагончик-бытовка».

Люба беспокойно заёрзала на стуле. Когда перед глазами замаячила перспектива победить болезнь, возвращаться к прежнему образу жизни сразу расхотелось:

– А быстро... ну... кровь эта быстро начинает действовать?

– Всё индивидуально. Вам сейчас нужно по сто миллилитров через день. Потом реже, как облегчение почувствуете. По цвету пятен сразу станет понятно.

– Я согласна.

Кочерга тоже кивнул, протягивая жёсткую мозолистую ладонь:

– Мы в деле, док. Ты – бригадир, вопросов нет. Командуй.

На следующее утро троица выдвинулась в дорогу. Погода испортилась, весны как не бывало. Моросил дождик, ветерок обдувал холодом лицо, пытаюсь забраться под складки одежды и пробежаться мурашками по спине. Но путники терпели. Даже Люба не жаловалась, хотя доктор опасался, что модель раскапризничается и придется слушать её нытьё.

– Костя, давно хотела сказать: ты, когда побреешься, на Майкла Рукера похож.

– Чё еще за хрен?

– Темнота, это актер голливудский.

– И чё, он крутой?

– Круче всех, – улыбнулась шатенка, поглядывая на жениха.

Кочерге польстило сравнение:

– Ну, тогда ладно. Просто не люблю я этих современных педиков голливудских. Вот раньше нормальные были мужики, Сталлоне там или Брюс Уиллис.

Разговоры о кино немного скрасили монотонный маршрут, до Пластуновской добрались к вечеру. Станице перевалило за двести лет и еще недавно её населяли почти двенадцать тысяч человек, а теперь жизнь теплилась лишь в редких домиках. Ни патруля, ни охраны – власти давно махнули рукой на этот кусок земли, а местные организовать оборону не смогли или не успели.

– Славное местечко, всё как я люблю, – Кочерга втянул стылый воздух с легким запахом тухлятины, разглядывая сожженные дома, разбитые машины и горы мусора на улицах.

– Тётка на другом краю живёт, минут тридцать еще, – предупредила шатенка.

– Через центр не пойдём, лучше крюк сделать. Тише едешь – дальше будешь, – прошипел доктор, озираясь из-под козырька мятой бейсболки.

Никто не встретился им по пути. Лишь в нескольких домиках бродяги заметили отблески свечей, вся остальная станица безжизненно погружалась во мрак ночи.

– Задержимся тут? Пошарим по хатам? – от жадности Костя даже высунул язык.

Хирург промолчал, а спустя пару минут указал на висельника с отрубленными руками. Покойник болтался на цепи под кроной тополя.

– Один уже пошарил. Не все местные передохли, кто-то еще охраняет порядок.

Шатенка резко остановилась и тоскливо прикусила нижнюю губу:

– Опоздали. Вон её дом.

Люба кивнула на обгоревшие стены с почерневшей треснутой штукатуркой. От жара покорежилась даже входная металлическая дверь. Оплавленные рамы пластиковых окон уродливо перекошились и теперь напоминали картину Дали «Утекающее время».

– Жаль. Давай искать другое место для ночлега.

– Постойте, я сейчас, – не дожидаясь разрешения, Люба шагнула вперед.

Калитка «вышла на пенсию» и теперь лишь бесполезно поскрипывала на одной петле. Входную дверь давно взломали. Щелкнула кнопка фонарика и слабый луч заскользил по стенам прихожей.

– Ты не пойдешь за ней? – удивился доктор.

Костя стоял с кислой отстраненной физиономией:

– Че я там забыл? Вот нахрен она туда поперлась?! Рухнет последняя балка и получит по котелку своему пустому.

– А почему не остановил?

– Ну её! На Любку если блажь найдёт, то не переспоришь. Пусть ходит, коли охота.

Пока Кочерга бранился на улице, Люба миновала кухню и вошла в спальню. Здесь сохранилась только железная кровать, под которой вперемешку с пружинами валялись обугленные кости. Уцелевший череп с нижней челюстью лежали на кучке слипшегося пепла.

– Здравьете, тетя Рая. Забавно, да? В прошлый раз ты меня бульжником угостила, вопила, чтоб я в аду горела, а, видишь, как вышло всё? Кто сгорел-то?

Люба презрительно плюнула на почерневшие останки и пошла назад. Её спутники не теряли время. Пока доктор стоял на стрёме, Костя шустро выстеклил раму ближайшего дома. Осмотр жилища не принес особенных результатов, хозяева вывезли все мало-мальски ценное, даже скрутили краны из ванной.

Бродяги разделили на троих холодный ужин. Пришлось спать на полу, но, главное, под крышей. Хирург очнулся первым. За окном рассвело, но из-за низких облаков все казалось таким серым, угрюмым, промозглым, что даже не хотелось выходить из дома. А надо. Вчерашний план провалился, с новым пока не ладилось, но сидеть на месте в их положении было нельзя.

«К городу придется возвращаться. Там на периферии легче чистых разыскать. Опасно конечно. А что делать?»

Этот вопрос все время терзал доктора. Он чувствовал себя наркоманом, жизнь которого зависела от очередной дозы, но её невозможно было купить за деньги, поэтому каждый раз приходилось переступать через себя и убивать, убивать, убивать. По иронии судьбы, человек, который считал своим призванием заботиться о здоровье других и спасать жизни, теперь эти жизни регулярно отнимал. Но моральные принципы уже мало терзали Хирурга. Тяжело убить было лишь в первый раз, ну, может еще чуть-чуть – во второй, а затем «рука набилась».

– Скрипнули половицы. Кочерга в семейных трусах вышел из соседней комнаты:

– Ну че там? Пойдем на разведку или как? Не хочется с пустыми руками возвращаться, да?

– Местные сразу поймут, что мы что-то вынюхиваем. Днем мелькать на улице рискованно.

– Да тут, может, три калеки осталось? Если боишься, давай я пошукаю. Да ты не смотри так строго, я наш вчерашний уговор помню, поэтому и советуюсь заранее.

Ревущий гул с улицы заставил их замолчать. Мимо промчался «УАЗик» с открытым кузовом.

– Пять человек сверху плюс водитель и пассажир. С ружьями. А может и посерьезнее арсенал имеется. Вот тебе и калеки, – почесал переносицу Хирург, – уходить надо, меняем тактику.

Через пару часов троица с большими предосторожностями выбралась из станицы. Но только они миновали перечеркнутый знак «Пластуновская» как вновь услышали шум мотора.

– О, вернулись, – пропыхтел Костя из придорожных кустов.

– Нам бы тоже машину, – мечтательно вздохнула Люба.

Однако доктор вдруг перевел разговор в иное русло:

– А вы знаете, почему станица называется Пластуновская?

– Ну... в честь какого-нибудь Пластунова? – неуверенно предположила экс-модель.

– В казачьем войске пластунами называли разведчиков. Им по службе на пузе часто ползать приходилось, чтобы поближе к неприятелю подобраться, пластаться то есть. Или пластом лежать в засаде. Таких обычно из бедняков набирали, кто коня себе позволить не мог и пешим ходил. В их честь и назвали это местечко в старину.

– А на черта нам этот урок кубановедения? – пробурчал Кочерга.

– Указатель увидел, вспомнилось... мы сейчас как эти пластуны, лежим, прячемся.

Люба встала на колени, вытащила колючки из волос и посмотрела по сторонам:

– Никого. Долго еще валяться будем?

Костя злобно дернул её за рукав:

– Цыц, баба! Куда вылезла без разрешения?! Спалишь нас, дура!

Чтобы придать весомость своим словам, Кочерга отвесил подруге тяжелый подзатыльник.

– Больно! – Люба перепугалась и обижено захлопала носом. Хирург не лез в разборки «молодоженов», хотя и порицал подобные манеры даже в такое тяжелое время.

Переждав минут десять, бродяги двинулись дальше. Все шли в подавленном настроении. Костя устался на свои грязные ботинки и даже начал жалеть, что встретил доктора. Раньше всё было проще. Он знал, что умрет и прожигал последние месяцы жизни в пьяном угаре и разврате. Но ситуация изменилась. Хирург дал ему шанс, пусть маленький, туманный, но все-таки шанс на жизнь. И Кочерга за него хватился.

В этом году Косте должно было исполниться сорок. Но его потрепанная, заросшая щетиной рожа выглядела значительно старше, особенно после славной попойки. Кочерга не верил, что доживет до этой сокровенной для многих мужчин отметки, после которой у большинства со зловещей скоростью развивался кризис среднего возраста. Не верил, но хотел. И в короткие перерывы между пьянками он скрежетал зубами в бессильной злобе, чувствуя, как смерть копается в его теле, прокладывая себе всё новые ходы.

Шахта. Большая живая шахта. Вот чем для клещей было тело носителя. Тысячи невидимых глазу паразитов рыли свои бесчисленные ходы, углубляясь все сильнее. Как правило, самый ад для пятнистых начинался ночью, а к утру букашки вновь затихали.

До жилья Хирурга оставалось чуть больше часа, но вдруг Люба указала на макушки дальних деревьев:

– Дым.

– Не просто дым, а костёр, – заинтересовался доктор.

– Ну, фраерок какой-нибудь сидит, собаку жарит. Нам-то что?

Шатенка облизнула потрескавшиеся губы:

– А если чистый?

– Проверим. С разных сторон зайдём. Вы прямо двигайте, а я с тыла обойду. Костя, главное в голову и сердце не стреляй, нам пациент нужен живым, – напомнил Хирург.

В тени высоких пирамидальных тополей сидел старик. В его бороде застряли крошки сухарей, а морщинистое обветренное лицо чуть подрагивало от напряжения. Бродяга доел последние харчи, понимая, что ужинать будет нечем. Да и завтракать тоже. И вообще ближайшие дни придётся поголодать. Впрочем, к этому он привык.

Кожу скитальца покрывали пятна, правда, не такие как у чесоточников. С возрастом они выступали у многих стариков. Этот дед пережил детей и внуков, но его самого смертельная чесотка обошла стороной.

«Вот только зачем?» – каждый день спрашивал старик, устремляя глаза к небу. Он ждал ответа от Бога, но тот молчал. Говорят, молчание – золото, но в данном случае оно скорее походило на ртуть, которая ядовитыми парами отравляла старику душу. Одиночество убивало его так же верно, как медленный яд.

Усталость взяла своё, бродяга задремал. Он услышал шаги, подскочил, но поздно – двое незнакомцев подошли слишком близко.

– Ребята, у меня ничего нет. Ни крупинки, – испуганно пробормотал старик, уставившись на мужика с пистолетом и молодую девушку.

– Ты здоров? – прохрипел Кочерга.

– Что? Я? Ох, у меня столько болезней, что пальцев посчитать не хватит.

– Ты знаешь, о чем я. Чесотка? Клещи? Ты чистый?

– Чистый, чистый! Рубаху могу снять, если нужно. Хоть всего осмотрите! Я не опасен...

– Хорошо, – пухлые губки Любаши вытянулись в недоброй улыбке. Хирург был уже в трех шагах позади старика. Хлесткий удар палкой – и жертва без сознания повалилась на землю.

– Ноги вяжи, я рот заклею, лишний шум ни к чему. Подальше оттащим. Раз-два – взяли. Да не туда, вон к тому дереву давай. Подвесить надо, так кровь лучше стекает, – деловито командовал доктор.

Но с первой попытки не получилась. Ветка предательски хрустнула, старик рухнул головой вниз и сломал шею.

– Зараза! Что ж так не везет-то! – взвизгнул Хирург, – быстрее, поднимай, надо хоть малость успеть слить!

У Кочерги даже во время самого сильного похмелья и то меньше дрожали руки. Ему приходилось убивать, но не так хладнокровно, расчетливо и цинично. А вот Люба вела себя на удивление спокойно.

Крови получилось нацедить меньше литра. Доктор разочарованно сунул бутылку в рюкзак.

– Живей. Идем готовить лекарство. Чем кровь свежее, тем лучше.

– А этого куда? – Кочерга взглянул на посиневший труп и стыдливо отвел глаза.

– Потом ветками закидаем и сожжем. Что сгорит, то сгорит. Да что ты такой бледный, не из тебя же кровь выкачали? Костя, приём? – Хирург пощелкал пальцами перед носом Кочерги, – Включайся давай. Не маленький уже. Убивать нам много придётся. Понимаешь?

Убивать, чтобы жить. Да, другого пути нет. А вы как хотели? Не нравится моя метода – поды-
хайте.

Доктор накиннул рюкзак и быстро пошел к дому. Люба и Костя переглянулись.

– Иди. Я догоню. Сразу тело сожгу, похороню деда, а то совсем по-скотски получается.
Как барана его зарезали.

– Ты сам определись, кто ты? Баран или волк? По мне, так лучше в стае, чем в стаде, –
в серых глазах Любы сверкнули кровавые искорки. Ей понравилось охотиться.

Глава 8. Бесплезные

Егорыч включил газовую плитку и поставил на огонь котелок с водой. Деревянный пол отвечал на каждый шаг здоровяка жалобным скрипом. Быков посмотрел на открытую упаковку гречки:

– Эх, шаурмы бы сейчас...

Самые обычные в прошлом вещи теперь стали недостижимой мечтой. Вода закипела, Егорыч убавил пламя и высыпал стакан гречи.

Тук, тук, тук.

Быков удивленно сдвинул брови, в такой ранний час к нему редко заглядывали.

– Доброе утро. А я вот пирожков со щавелем напекла. Без яиц тесто не такое, конечно, получается, но вроде съедобно. Угощайтесь, —

Соня протянула кулёк с горячими гостинцами.

В этот момент солнце поднималось аккуратно за ее спиной, играя лучами в русых развевающихся волосах, что придавало девушке сходство со сказочной феей. Соня действительно сияла своей красотой и жизнерадостностью, а последнее качество теперь стало жутким дефицитом, поэтому так бросалось в глаза.

Егорыч на несколько мгновений завис, ослепленный прекрасной гостьей:

– А? Пирожки? Мне?

– Ну конечно. Сладкие, почти как с клубникой по вкусу, – улыбнулась жемчужными зубами Одинцова.

– Ну, Соня-Сонечка, порадовала с утра старика! Знать весь день счастливым будет! Ух, ямочки на щечках, юбка на крючочках, сбросить бы мне годков тридцать, отбил бы тебя у Тимура, – пробасил ошарашенный Егорыч.

– Не надо, Тиму я люблю, у нас всё хорошо, – смущенно промурлыкала Соня и пошла угощать остальных.

Часовые Гусь и Ара особенно обрадовались горячему завтраку.

– Соня! Конфэтка! Пойду обход делать – вот такоооой букет полевых цветов тебе нарву, – пообещал Арарат, улетая пирог.

– У нас их ставить некуда, не трудись, – засмеялась Одинцова и направилась к Пастырю.

Петр Петрович как раз завязывал галстук перед зеркалом. Его манера официально одеваться очень забавляла Соню, и в то же время она его немного побаивалась. Одинцова сама не могла понять, что её пугало в этом бывшем чиновнике.

– Доброе утро. Вы не заняты? Это вам, еще теплые, – Соня протянула пирожки.

– Для Вас, Софья, я всегда свободен, – жеманно ответил Пастырь, – говорят, передавать через порог плохая примета... войдите ко мне.

Одинцова нехотя зашла в домик председателя, но старалась держаться весело и непринужденно.

– Держите, а я побегу. Надюшка скоро проснётся.

– Да-да, конечно. Скажи, у тебя всего хватает? Пеленки, подгузники? А то мы сделаем вылазку...

«Заботливый какой! Сделаем... ага. Тимура с парнями отпратишь за периметр, а сам в кабинетике прохлаждаться останешься. С этим мы и без тебя разберемся».

Но милая улыбка Одинцовой не выдала ни одной этой мысли:

– Не беспокойтесь, у нас всё хорошо. Спасибо за заботу.

Пастырь проводил ей взглядом, сглотнув слюну. На Сонину фигуру он смотрел с большим аппетитом, чем на пирожки.

Одинцова вернулась в своё гнездышко, угостив всех соседей. Она любила делать сюрпризы, дарить хоть маленькую, но радость окружающим.

Тимур еще спал после ночной смены. Малышка с ангельским личиком тоже сопела в кровати. Семейная идиллия. Казалось, что они просто решили провести выходные на базе отдыха, а не спасались здесь от ужасов внешнего мира.

Соня замерла посреди комнаты и почувствовала как ей страшно. Страшно потерять всё это: мужа, ребенка, зыбкое ощущение безопасности. А вместе с тем лишиться этих сокровищ можно в одночасье – стоит кому-то принести заразу в общину.

Девочка раскрылась, и Одинцова заботливо поправила на ней одеялко. Соня сразу решила, что назовет дочку Надя. И Тимуру идея понравилась. Ведь Надежда – единственное, что по-настоящему поддерживало этот мир. Надежда, что все наладится, появится вакцина, люди смогут выходить на улицу без страха, а в каждом незнакомце перестанут видеть смертельную угрозу.

«Какая же ты у меня лапочка. Я буду защищать тебя, что бы ни случилось. Ты вырастешь счастливой, умной, доброй, красивой. Обещаю, мы с папой всё для тебя сделаем», – зеленые глаза Сони так сильно светились нежностью и любовью, что наступи сейчас полное затмение, их комната по-прежнему осталась бы светлой.

Безмятежность утра нарушилась с приходом Ящера.

– Привет еще раз. Пирожки объеденье. Флэш спит?

– Да, а что случилось? – Соня заволновалось, их обычно не беспокоили по пустякам.

– Пастырь просил разбудить. Совещание. Ну, сама понимаешь, работа.

– Я недавно от него вернулась.

– Да к нам только что четверо пожаловали. Говорят чистые, просят приютить. Дело серьёзное...

Тимур очнулся мгновенно, стоило лишь коснуться его плеча.

– К нам новенькие, Пастырь зовёт.

– Фуууххх, я такой сон видел... и на самом интересном месте. Потом расскажу, не при свидетелях.

Тут заплакала малышка, и Соня сразу же кинулась к ней:

– Тихо, маленькая, тсссс... Проголодалась? Ой, да тебе подгузник пора сменить.

Оставив жену с материнскими хлопотами, Одинцов направился с Ящером к воротам. Впервые за долгое время кто-то попросился к ним под крыло. Возможно, просились бы чаще, да только мало кто знал про «Хали-Бали». Несмотря на близость к Краснодару, база отдыха стояла в довольно укромном месте, натыкались на неё в основном случайно. Рекламные указатели давно отломали, чтобы лишний раз не привлекать внимание. Чужих здесь не ждали. Последним, кого приняли, стал как раз Яшка Шкуркин. Но сам Ящер не знал, что именно голос Тимура стал решающим в тот день на совете общины.

– Ты когда рукав зашьешь?

– Да ладно, хрен с этой дыркой...

– Яша, с таких мелочей начинаются серьезные проблемы. Чтоб к вечеру заштопал, – строго приказал Одинцов. Он не выспался, а в такие моменты с ним было лучше не шутить.

– Понял-понял.

– Сколько их?

– Четверо. Две бабы, мужик и щегол лет пятнадцати. Клянутся, что чистые.

Тимур сплюнул, стараясь не попасть на посаженные Соней цветы:

– Клятвы и раньше мало что стоили.

Пастырь с Егорычем ждали перед въездом. Гусь и Ара с вышки держали чужаков на прицеле за периметром.

– Позвольте я буду вести переговоры, – Петр Петрович одернул пиджак.

Заскрипели откатные ворота, и четверо незнакомцев с надеждой уставились на делегацию «Хали-Бали». Цепкие жесткие глаза Флэша внимательно пробежались по бродягам. Выглядели те вполне сносно. Складывалось ощущение, что они только недавно покинули насыщенное место в поисках нового убежища.

– Добрый день! Меня зовут Константин Семенович Сушкин, – представился мужичок в круглых очках и салатовой панамке. Седая козлиная борода делала его очень похожим на профессора-натуралиста, а дрожащий голос усиливал сходство.

– Приветствую. Вас четверо или еще есть люди? – перебил Пастырь.

– Больше никого. По этическим вопросам наша компания разделилась на два лагеря.

– А куда двинулся второй лагерь? – сухо поинтересовался Петр Петрович. На его лице читалось явное нежелание принимать в общину новых членов.

– В сторону Сочи, куда-то на рыбную ферму, где форель выращивают. Она сейчас на вес золота, – вздохнул «профессор». Его желудок мгновенно отреагировал на разговоры о рыбе голодным урчанием.

Одинцов с трудом подавил стойкое желание широко зевнуть и посмотрел Константину Семеновичу в глаза:

– Сразу выкладываете подробности, чтобы мы из вас информацию не вытягивали. Почему вы отделились? В чем был конфликт? Откуда вы вообще? Чем занимались раньше?

– Да-да, конечно, простите. Нам нечего скрывать. Мы – честные люди, – поспешно забормотал Сушкин, – наши предыдущие компаньоны убили человека. Практически ни за что. Просто вышел конфликт на бытовой почве, и парня застрелили. Так сказать, бывший лидер – человек очень суровый, я бы добавил жестокий...

– Волк он, а не человек. Зверь! За краюху хлеба горло перегрызет, – внезапно вмешалась в разговор полная женщина лет сорока, стриженная под «ёжик».

– И вас так просто отпустили? – пробасил Егорыч.

Константин Семенович пожал плечами:

– Ну, мы же не пленники. Компания у нас набралась разношерстная. Ехали с Кирова на двух микроавтобусах. Вот после того инцидента мы и сошли под Краснодаром.

– Ясно, а чем раньше занимались? – напомнил предыдущий вопрос Одинцов.

– Я заведовал музыкальным училищем. Лариса Ивановна, – Сушкин указал на тётку, – трудилась главным бухгалтером в крупной компании. Вот эта прелестная леди по имени Анюта – дизайнер, как сейчас говорит молодежь, фрилансер.

Представленная девушка чуть склонила голову в знак приветствия. Арарат давно смотрел на неё с особым интересом, ему очень нравились такие худенькие, скромные, миниатюрные девицы, с тонкой бледной кожей и слегка испуганным взглядом антилопы.

– А Гриша у нас школьник. Отличник, на золотую медаль шел, – хвалебно отрекомендовал Константин Семенович подростка, как будто его оценки сейчас кого-то волновали, – паренек смысленный, шустрый, всё схватывает налету.

Тощий подросток с большими оттопыренными ушами и красными прыщами по всему лицу, шаркнул ногой и вяло поздоровался:

– Здрасьте.

– Так вы к нам насовсем хотите или транзитом? – уточнил Пастырь.

– Хотелось бы найти единомышленников, с кем получится связать свою судьбу на долгий срок и создать новое справедливое общество.

– Ясно. Должен сразу предупредить, что свободных домов у нас нет. Придется к кому-то подселять, если люди согласятся. Плюс вначале двухнедельный карантин, – нудно, как на совещании, озвучил Петр Петрович. Для себя председатель всё уже решил.

Сушкин смахнул со лба вспотевшие волосы:

– Так официальная медицина заявляет, что признаки заражения проявляются спустя неделю...

– Мы перестраховываемся, – безапелляционно отрезал Пастырь.

– Согласны. На всё согласны. Работать, слушаться, все ваши правила соблюдать. Мы не конфликтные, – забормотала Лариса Ивановна, явно заискивая.

– У нас решения принимаются коллективно, ждите результатов голосования, – отчеканил Петр Петрович, – товарищи, у кого-то остались вопросы?

Тимур еще раз взглянул на изможденных путников:

– Вы это... может, пить хотите? Или поесть чего?

– Да, будем чрезвычайно благодарны за бутылку воды. Наши запасы несколько истощились по дороге, – обрадовался Сушкин простым человеческим ноткам в голосе Одинцова.

– Я вынесу, – пообещал Флэш, перед тем как ворота закрылись.

Спустя двадцать минут в штабе собрались все, кроме часовых и мужиков, работавших на рисовых лугах. Пастырь объявил, что кворум набран, поэтому можно переходить к обсуждению и голосованию.

– Ответственно заявляю, что я против этих чужаков. Чего они все к нам едут? Сидели бы у себя в Кирове или откуда их там принесло?! Но помимо того, что они не местные, так еще и бесполезные! Скажите, какой нам прок от директора музыкального училища, бухгалтера, дизайнера и школьника?

– Людей еще толком не узнал, а уже ярлыками обвешал, – возмутилась тётя Даша, – от меня тоже не так много пользы... я старая...

– Минуточку! Не передергивайте. Вы стояли у истоков нашей, так сказать, коммуны, ваше место незыблемо... – Петр Петрович не закончил фразу и поперхнулся.

– Вот-вот, ты тоже в своё время в драных брюках пришел. Забыл? Так ничего, приняли, – напомнила тетя Даша. В «Хали-Бали» она оказалась благодаря знакомству с Егорычем, а Быков считался основателем общины.

Пока Пастырь откашливался и пил из кружки воду, слово взял Флэш:

– Из пацана разведчика сделаем. Старшего и тетку в работники определим. А дизайнер... хм... ничего такая, смазливая. У нас есть парни холостые, думаю, молодая симпатичная девка одна не останется.

– Брат, я на ней жэнюсь. Отвечаю, жэнюсь. Мне она сразу понравилась, – весело откликнулся Арарат.

– Работников хватает, а места и продукты ограничены. Если в этом году теплицы обустроим, кукурузу посадим, с рисовыми полями разберемся, тогда да, сможем себе позволить дополнительных едаков принять. А пока я высказываюсь против. Нам главное – сохранить текущий коллектив, – категорично заявил Пётр Петрович.

– Койку найти – не проблема. Ара один живет, Гусь тоже. И ты, Петрович, между прочим..., – ухмыльнулся Одинцов.

– Нет, я всё понимаю. Но будь они врачами или строителями, агрономами, людьми с военной подготовкой, в конце концов, это другое дело! От каждого нового человека должна быть польза нашей общине! ПОЛЬЗА! Конкретная, прикладная, осязаемая! Нужны специалисты, работу которых мы делать не сможем. Но эта четверка к ним не относится. Я хоть завтра сотню таких приведу. И что мы получим? Вот окажись они стоматологами или хирургами, к примеру, я бы свой дом уступил и на улице в палатке спал! Клянусь!

В ораторском искусстве Пастырь мог заткнуть любого среди присутствующих. Сказывался большой опыт в политике и административной работе. Он умел манипулировать данными, убеждать, устрашать, вбивать в голову «электората» одни факты, скрывая при этом другие. Народ призадумался. Гудение голосов с каждой минутой усиливалось, большинство склонялось на сторону председателя. Однако Флэш не сдавался:

– Ты оцениваешь только по трудовой книжке, совсем не зная навыков. Дизайнер могла в прошлом на медсестру учиться, а директор музыкального училища в армии служить. Надо дать им шанс. Любой может приносить пользу.

– Тимур, послушай. Это взрослые люди. Среди них нет раненых, калек, беременных, грудных детей. Раз они до сих пор живы, то способны сами о себе позаботиться. Есть общины гораздо крупнее и богаче нашей, пусть к ним попросятся. А еще эта история про два лагеря и как они решили отделиться по этическим принципам! Смешно же! Да вытурили их просто, скинули как балласт, вот и всё. И теперь этот балласт ходит-бродит по округе, думая, к кому бы прицепиться и сеть на шею. Баста! Я предлагаю голосовать. Вопрос деликатный, так что на этот раз тайно. Оно так честнее получается своё мнение выразить, не бояться осуждения со стороны или еще чего.

Тимур вздохнул и посмотрел на Соню. Она сидела в углу, покачивая малышку. Казалось, жена даже не слышала напряженной дискуссии, и ей было все равно, о чем они тут спорят.

– Всем раздаю по такому маленькому листочку. Рисуем плюс – за принятие этих людей, минус – против. Кладем бюллетени в ящичек. Арарат, будь добр, отнеси листочки часовым.

Волеизъявление народа прошло быстро, и Пастырь принялся подсчитывать голоса:

– Минус. Минус. Минус. Плюс. Минус. Минус. Плюс. Нолик?

– Воздержался. Мой это бюллетень, – раздался смущенный бас Егорыча.

– Ясно. Продолжаем.

Листочки еще не закончились, но Тимур знал, что большинство высказалось против.

«Интересно, они понимают, что те люди за оградой погибнут? Не такого они склада, чтобы драться, воевать, выгрызть себе место под солнцем. Так что же, их за это на смерть обречь? Тайное голосование. Чтоб тебя! Моя хата с краю – вот как это называется».

Арарат точно прочитал его мысли и тяжело вздохнул. Большинство не решалось смотреть Одинцову в глаза. Только тетя Даша похлопала его по плечу и попыталась приободрить:

– Хороший ты парень, но мало вас таких.

– Итак, вопрос закрыт. И знаете, я на сто процентов уверен, что на нашем месте они поступили бы аналогично. Пойду, объявлю им коллективное решение.

– Обожди. Я сам переговорю, – Одинцов покинул штаб и медленно побрел к воротам.

Гусь с наблюдательной вышки глянул на приятеля. Флэш отрицательно покачал головой. Он не мог пойти против остальных и силой заставить народ поменять решение. Эта база ему не принадлежала. Одинцов сделал всё, что в его власти, он поступил по совести, казалось, нечего себя винить, но гадкое чувство всё равно разъедало душу.

Тимур вышел к бродягам:

– Сейчас мы не готовы вас принять. Мало ресурсов. Большинство проголосовало против.

Подросток с досады пнул камень, бухгалтерша отвернулась и что-то проворчала под нос, дизайнер Анюта безвольно опустила руки, поникнув всем телом. И только Сушкин нашел в себе силы улыбнуться:

– Спасибо, все равно большое спасибо, что выслушали нас. Нет так нет, судьбе виднее.

– К югу стоит ферма заброшенная. Не санаторий, но хоть какая-то крыша над головой.

Рядом пруд. Там рыба водится, я вам снастей собрал: лески, крючки, поплавки, грузила. Удилище сами смастерите, – Одинцов бросил коробку.

Константин Семенович поймал подарок и почтительно поклонился:

– Благодарю. Мы вам чрезвычайно признательны. Не считите за наглость, но вынуждены попросить у вас еще одну бутылку воды. На дорогу так сказать, день сегодня выдался жаркий.

– Решим вопрос.

Когда квартет «отверженных» отправился искать другое пристанище, Одинцов хмурый как осенняя туча вернулся домой. Чуткая Соня сразу заметила неладное и ласково обняла его за шею:

– Не дали тебе выспаться, мой хороший. Подремли сейчас, а я с Надюшкой погуляю.

– Не, без толку, не усну уже.

– Они ушли? – робко и даже чуть виновато спросила супруга.

– Ну, естественно. Их же не пустили.

– Почему ты так за них заступался? Ты же их не знаешь.

Одинцов задумчиво теребил стальной браслет на правом запястье:

– Когда-то давно один человек в армии сказал, что я неплохо разбираюсь в людях. Мне тоже так казалось. Пастырь записал их в неудачники, бесполезный биомусор по нынешним временам. Я уверен, что он ошибся. Эти люди могли пригодиться общине в своё время. Но сегодня победили эгоизм, страх и жадность.

– Прости. Я поставила им минус.

Тимур замер, внимательно разглядывая большой сучок на деревянной стене. По плотно стиснутым губам Соня поняла, что муж злится.

– Ты вправе считать меня трусливой жадной эгоисткой, но я сделала так, как посчитала нужным.

– Нужным кому?

– Ей, – Соня указала на ворковавшую в кровати малышку, – любой новый человек для меня – это потенциальная опасность. Из-за глупости или неосторожности он может принести сюда чесотку. И тогда всё рухнет, понимаешь?

– Так и я могу клещей зацепить на вылазке.

– Нет, ты другой. Ты чувствуешь ответственность передо мной и Надей. В первую очередь, это заставляет тебя быть в сто раз осторожней. А эти незнакомцы отвечают только за себя.

– Этого мало?

– Да, иногда мало! Когда родилась Надюша, я стала по-другому смотреть на вещи. Материнский инстинкт – сложная штука, но ради ребенка я готова запереть нашу базу на десять замков и никого не подпускать сюда на ракетный выстрел. Я – не наивная дурочка и понимаю, что те люди могут погибнуть без нашей помощи.

– Так оно и будет...

– Да, но я к этому готова. Я принимаю это ради неё! Всё лишь для того, чтобы наша дочь выросла здоровой.

– Не удастся вечно держать её в этом аквариуме! Рано или поздно Надя выйдет за периметр. Ты не сможешь защищать её от опасностей всю жизнь...

– Смогу столько, сколько потребуется! Поэтому я и нарисовала, этот чёртов минус! Да, совесть терзает меня, но я потерплю... ради дочери.

Тимур встал, обулся и надел перчатки, не глядя на жену:

– Что сделано, то сделано. Большинство решило. Воля народа.

– Куда ты идешь?

– С Гусём перетереть. Хочу съездить одно место проверить...

– Тим?

– Что?

– Ты меня теперь меньше любишь? – нижняя губа Сони чуть дрогнула, а ямочки на щеках окрасились румянцем.

– Не меньше. Просто лучше тебя узнал.

Глава 9. Консервы

Бобёр-старший склонился над гудящим чайником, первые пузырьки поднялись на поверхность, легкий пар уже струился из носика. Стоило воде только закипеть, как Тарас Романович тут же выключил газ. Экономия. Пока в заварнике разбухали чайники, Бобров насыпал в вазочку горсть лимонных карамелек.

– Ильич, сделай радио погромче. В двенадцать мабудь новости забрякают...

Историк подошел к окошку, где стоял древний радиоприёмник с длиннющей антенной и покрутил колёсико. На кухне заголосил Киркоров.

– Это перебор. Приглуши, а то пятнистые на дискотеку сбегутся.

– Я думаю, им не до танцев, – заметил Историк.

Бобёр-старший разлил по кружкам чай:

– Тут от человека зависит. Одни в тоске и скорби тухнут, а вторые на всю катушку остаток жизни проматывают.

– Я бы так не смог, – Михаил Ильич задумчиво подпер кулаком бороду.

Музыка стихла. После короткого приветствия диктор принялся зачитывать федеральные новости. Он торжественно заявил, что авария на Волжской ГЭС ликвидирована и электро-снабжение региона восстановлено. Затем сообщил, что правительственные войска ведут бои с отрядами сепаратистов на Дальнем Востоке, а поезд, доставлявший рыбу из Архангельска в Москву, разграбили под Ярославлем.

– Разваливается страна, – Бобров чиркнул спичкой и закурил, – не так страшно, что инженерные штуки из строя выходят, это еще можно починить, подлатать. Междоусобица – вот что пугает. Каждый хочет князьком быть на своём болоте, все начинают о независимости рассуждать, как будто так легче выжить будет. Эгоисты проклятые! Сепаратисты! Не понимают, что сейчас особенно важно вместе держаться, вместе!

Тарас Романович до дрожи стиснул пальцы в кулак, а затем обреченно махнул рукой. Куницын разделял взгляды приятеля, но вместе с тем понимал, что это естественный ход истории:

– Подобный сценарий мы уже много раз проходили. Без сильной руки начинаются разброд и шатания.

– Вот именно! Хозяин стране нужен! А этот Чрезвычайный комитет – тьфу, клоуны и балаболы. Популисты-онанисты! Сегодня одно трюндят, завтра другое! А по факту, никто ни за что не отвечает.

Эпидемия привела к деградации вертикали власти. Дымилось на Кавказе, расшатывался Дальний Восток, накалялась атмосфера на Урале. Сил федерального центра не хватало, чтобы контролировать все регионы.

– А про вакцину опять ни слова, – Историк кашлянул от едкого дыма дешевых сигарет. Приходилось терпеть. Не запрещать же хозяину курить в собственном доме.

– А что они скажут?! Что опять провалились испытания? Очередной десяток подопытных ушёл в мир иной от остановки сердца или отказа печени? Уж лучше пусть молчат, чем впустую балаболят как вначале.

Когда Бурая чесотка только набирала обороты, власти бодро отрапортовали, что изготовят лекарство в течение месяца. Не получилось. Тогда сроки разработки отодвинули до трёх месяцев. Опять не получилось. Сейчас прошло уже почти полтора года, население вымирало, а вакцину так и не создали. Клещи-убийцы оказались на редкость живучими.

Никто не знал, откуда взялись эти паразиты, вернее эксперты не смогли прийти к единому мнению. Одни обвиняли во всем американские лаборатории, которые якобы вывели клещей-мутантов в качестве биологического оружия и допустили утечку. Политики США тут же

принялись катить бочку на китайцев. Ряд ученых выдвинул гипотезу, что неизлечимая чесотка пришла из индийских трущоб. Нашлись и те, кто связал появление «суперклещей» с аварией при строительстве АЭС в Нигерии.

«Радиационный всплеск мог привести к мутации паразитов в теле диких шимпанзе, с дальнейшим распространением на человека и остальные виды», – неуверенно заявила международная группа микробиологов. Впрочем, эта версия имела меньше всего сторонников.

Эксперты спорили между собой до пены у рта, а затем дошли, как и все остальные. Коварная болезнь перехитрила человечество, она подкралась незаметно, никак не проявляя себя вначале. Первую неделю Бурая чесотка протекала бессимптомно. Затем на коже появлялись розовые пятна, люди принимали их за аллергию и не обращали внимания, продолжая распространять паразитов. Через два месяца пятна начинали зудеть. Зараженные шли к доктору, тот выписывал мазь от чесотки, но она не помогала, а драгоценное время утекало в песок.

Когда ученые поняли, с чем столкнулись, пятнами покрылась уже половина населения земного шара. Животные тоже не избежали этой участи и пошли под нож. Власти приказали утилизировать всех, начиная от комнатных собачек и заканчивая цирковыми слонами. Глупо. Жестоко. И слишком поздно.

– Выключи уже этот матюгальник! Тоску нагоняет, – вспыхнул Бобров, едва сдерживаясь, чтобы не запустить в радиоприемник тапком.

Куницын поднялся и щелкнул кнопкой:

– Тебя не поймешь – то громче, то выключи. Я тебе пульт дистанционного управления, что ли?!

– Новости закончились и шабаш! Не могу я слушать, как они про любовь поют да про счастье. Какое тут нахрен счастье?!

– Ты им предлагаешь похоронный марш круглые сутки играть? — Историк отхлебнул чая и потянулся за карамелькой, – людям нужна надежда. Для многих кроме этих песен, может, и радости никакой не осталось.

– Не жили хорошо и нехер привыкать, – отмахнулся Бобров.

Следом хлопнула железная дверь и послышалась возня в прихожей.

– Кто там?

– Я!

– Вша лобковая, – заржал Тарас Романович, подловив сына.

Бобер-младший вошел на кухню, улыбаясь во всю ширину морды:

– О, пошли шутки за триста. «Аншлаг-Аншлаг» по радио передавали?

– Новости передавали. Владик с Хабаровском отколоться хотят. Адмирал там бойкий появился, воду мутит.

– И чё?

– Это же Дальний восток! Камчатка! Сахалин! Ты представляешь, какие там ресурсы?! Рыба, крабы! Продовольственная безопасность страны!

– Да и похрену. Нам всё равно не перепадёт, сами прокормимся. Я там никогда не был, да и в хорошие времена крабов их не ел, – зевнул Витька.

Батя строго наморщил лоб, но решил не вступать в геополитическую полемику с «пустоголовой шпаной», как иногда отзывался о сыне.

– Лично меня волнуют более насущные проблемы, – продолжил младший Бобров, – курево закончилось, вот это – беда.

– На, – Тарас Романович протянул открытую пачку.

– У тебя сколько?

– Эта и еще две.

– Не густо, – Витька повесил карабин и стянул перчатки.

– Рыбы подкоптим, в город свезём на базар и купим табачок.

Когда зашел разговор о поездке, Михаил Ильич сразу забеспокоился:

– Я тоже хочу на рынок выбраться, мне Юлька целый список приготовила.

– Рыба... город... базар... к тому времени мы скурим последнее. Не, я хочу сегодня консервы поискать. Идём?

Отец задумчиво и степенно почесал круглый живот. «Консервами» они между собой теперь называли заброшки: дома, фермы, машины. Всё, что вскрывалось в поисках хабара. Мародерство из статьи в уголовном кодексе плавно трансформировалось в ремесло и профессию. Опасную, зато доходную.

– Сегодня не хочу. Я и без курева посижу пару дней, не посиною. А может, вообще брошу.

– Да ладно?! – загоготал Витька, – тридцать лет курил и вдруг бросишь?

– Захочу и брошу, – с вызовом ответил батя, – не тебе, щенок, меня на слабо брать!

Бобёр-младший примирительно поднял руки:

– Ладно, не хочешь, я Санька возьму. Или лучше Юльку, пусть опыта набирается. Михаил Ильич, отпустите её со мной, а?

– В родственники набиваешься, паршивец? Ты смотри, я тестем строгим буду, от меня блинов не дождешься. Да и у Юльки характер сложный, это тебе не Ложкины-хохотушки.

– Угу, в курсе. Только я не жен...

– Да ты не думай, так-то я не против вашего союза, – с веселой бесцеремонностью перебил Михаил Ильич, – только приданого богатого не жди, женишок. Могу учебниками по истории с седьмого по одиннадцатый класс выдать. Почти новые.

– Спасибо, у меня где-то свои валяются со школы.

– Хм, ну... пару томов Карамзина накинута. Но это максимум, учти.

– Пошутили и хватит, – поднявшись, крикнул Тарас Романович, – в какую сторону собираешься?

– Вокруг Новотиторовки поблуждаем. По Ейскому пройдемся. Да знаю я, вглубь не полезу! Так, по окраине только, – предугадывая слова бати, пообещал Витька.

– Твоя башка, тебе и думать, – буркнул Тарас Романович.

Витька быстро собрался, опасаясь, что отец может передумать и загрузить работой до вечера. Через пять минут он уже стучал подошвами по тротуарной плитке. Приятели снова уселись с чаем за стол.

– Не боишься за него?

– Станешь запирать, только хуже будет. Он уже здоровый взрослый мужик. Двадцатник стукнул. Дерзкий, конечно, но совсем не дурак. Меру знает. Да и коль судьба, то и ложкой супа захлебнёшься.

– Это верно, но я Юльку за периметр без себя не отпускаю.

– Сравнил. Девку я бы тоже в хате держал.

Тарас Романович и Михаил Ильич вновь принялись перемывать кости политикам, обсуждать историю и всякий раз возвращались к теме вакцины.

В это время Витька, обдумывая маршрут, остановился возле домика на дереве.

– Таран, погнали консервы вскрывать?

– Я дежурю, – откликнулся из «скворечника» Сашка.

Бобров скривил кислую мину:

– Так подменись, Куницу попроси.

– У неё свои дела. Давай завтра?

– До завтра у меня сигареты закончатся.

– Всё к лучшему. Ты в спаррингах к третьему раунду как паровоз пыхтишь. Завязывай с куревом, дышалку тренируй.

– Уличная драка долгой не бывает. У меня точно.

– О чем спорите? – Ульяна с двумя ведерками воды приблизилась к наблюдательному посту.

– Да вот, пытаюсь Саню за консервами вытащить. А он не хочет.

– Может, меня возьмешь? – предложила Ложкина, невзначай расстегнув верхнюю пуговицу на рубашке.

– Тебя мамка не отпустит.

– А если отпустит?! – с легким вызовом ответила Ульяна.

Бобёр-младший сунул руки в карманы штанов, вальяжно переступая с ноги на ногу:

– Да? Ну, иди, спроси.

Улька направилась к дому такой походкой, что парни зависли на её фигурке.

– Слышь, Витёк? Ты чего? Она даже стрелять не умеет. Тебе батя потом так всыплет, если узнает.

– Чего узнает-то? Ты ей поверил? Тётя Лена как курица, своих цыплят от себя не отпускает. Никуда она не пойдёт.

Но вскоре Улька вернулась в спортивном костюме и с рюкзаком:

– Мама сказала можно, если недалеко. Мы же тут рядом?

– Можно...? – недоверчиво переспросил Бобров.

– Так идём или нет?! Долго топтаться будем? – внезапно заторопилась Ложкина, – Мы на машине?

– Ножками, бенза мало осталось. Пошли, коль не шутишь, – Витька, поправил рацию и подмигнул Тарану, – счастливо оставаться.

Молодой коттеджный посёлок «Весна» вырос на месте бывших совхозных полей и стоял в укромном закутке, окруженный со всех сторон лесополосой. Парочка вышла за ворота, свернула с дороги и пошла напрямик через луг. Витька заметил, что Улька едва за ним поспевает:

– Это не прогулка по парку. В нашем деле приходится быстро шевелиться. Волка ноги кормят.

– Ты же не волк, а Бобёр, – хихикнула подруга.

– Сейчас волк, а будешь спорить, то покусаю. И вообще, если хочешь вернуться назад, меня слушайся. Скажу «беги» – значит, беги, скажу «молчи» – язык проглоти.

– Ух ты какой строгий, сразу взрослее кажешься.

– Ульянка, я не шучу. Мы не в супермаркет за мороженым. Сейчас хоть малёха поспокойнее стало, а вот раньше за банку сайры башку отстреливали.

– Всё, поняла, буду слушаться как пай-девочка.

Прошло полчаса, впереди уже виднелась старая дорога, примыкавшая к Ейскому шоссе. Ветер усилился. Он прижимал к земле разросшуюся траву и заставлял путников закрывать глаза от пыли. Внезапно раздалось грозное рычание. Три пестрых лохматых пса неслись на них большими прыжками.

Витька присел на одно колено и прижал карабин к плечу:

– За мной встань! Живо!

Прогремело пять выстрелов, две собаки с предсмертным визгом распластались на брюхе. Третья резко развернулась и бросилась в обратную сторону.

– Расплодились, суки! Дохнуть же от клещей должны, а такое ощущение, что их только больше становится. Не удивлюсь, если у этих двортерьеров иммунитет к заразе выработался. Кто вырос на помойке, тот чесотки не боится.

Бобер-младший быстро перезарядился. Он израсходовал всю обойму и оказался третья псина посмелее, то с ней пришлось бы драться ножом. Так себе начало вылазки.

– Страшно было?

– Очень, – призналась Ульяна, – не думала, что они вот так резко выскочат. Как волки озверевшие!

– Дальше пойдешь? Или назад домой отвести?

Ложкина колебалась несколько секунд, но дерзость молодости пересилила шёпот инстинкта самосохранения:

– Идём.

Они пересекли дорогу, которая разрезала поле и тянулась к шоссе. По обочинам росли молодые, но уже высокие тополя, укрывшись за ними, путники продолжили маршрут.

– По асфальту же быстрее, – ойкнула Ульяна, запнувшись об очередную кочку.

– Там мы как на ладони. А здесь, за деревьями, сложнее врасплах застать.

– Можно воды попить?

– Рановато для привала. Ладно, держи.

После короткой паузы парочка двинулась дальше. Через десять минут Витька поднял указательный палец и остановился:

– Слышишь? Там... в нашу сторону идут.

Бобёр-младший не ошибся. Спрятавшись возле обочины, они вскоре заметили трех человек. Без перчаток. Мужик толкал по дороге магазинную тележку с тюками зимней одежды, обуви и плотным одеялом. В одной из сумок брякало что-то стеклянное. Рядом шла закутанная в платок женщина, держа за руку девочку лет десяти.

– Что будем делать? – затаила дыхание Улька.

– Я разберусь, а ты не высовывайся, – Витька вышел из засады, перегородив дорогу.

Глава семейства покорно вытянул руки вверх, а тетка заголосила:

– Не трогайте нас, пожалуйста, не убивайте! У нас ничего нет!

Грязные лохмотья и потрепанный вид указывали на то, что бедолаги давно потеряли крышу над головой.

Витька, удерживая мужика на прицеле, крикнул в ответ:

– Идите, идите. Я вас не задерживаю. Только контролирую.

Незнакомец вновь взялся за поклажу. Переднее колесо магнитовской тележки противно заскрипело.

– Слышь, ты тачку смажь чем-нибудь, вас за километр слышно.

Тот угрюмо кивнул, стараясь не глядеть Витьке в глаза. Его жена затравленно сгорбилась, сжалась и уставилась в землю, ближе притянув к себе худенькую чумазую дочку. Лишь у этого маленького человечка во взгляде еще светились слабые искорки жизни. В отличие от родителей, она не осознавала или просто отказывалась верить в их обреченность.

Когда бездомная тройца отдалилась, Улька сочувственно пробормотала:

– Ужас. Как представлю себя на их месте, хоть вешайся. Сначала один умрет, потом второй, а девочка, мне кажется, последней. У неё глаза самые живые. Заметил?

– Я больше за папашей следил, как бы тот фортель не выкинул. Мы как-то с батей похожую семейку встретили, только с двумя детьми. Разошлись миром, никаких претензий. Те на вид адекватными показались, а через неделю нашли их трупы в запертой хате. Сына с дочкой родители видать во сне стрельнули, а затем себе мозги вышибли.

– Жесть. Вы не рассказывали.

– Зачем вас этим грузить? Такое стараешься забыть поскорее. Вообще нельзя этим башку забивать, иначе чокнешься точно.

Через четверть часа они вышли на Ейское шоссе чуть севернее станицы Новотитаровской. Отсюда уже хорошо просматривались крыши домиков и пахло жженым пластиком.

– Опять чья-то хата сгорела.

– Тут это часто?

– Постоянно. То бомжи бухие запалят, то уроды всякие специально поджигают.

Бобёр-младший достал бинокль и долго изучал окрестности. Порывы ветра трепали Улькины волосы, от чего она повернулась спиной и обхватила себя руками.

– На трассе ничего нового. Жаль. Нам иногда свежие брошенные тачки попадались. Сегодня не фартит.

Приблизившись к станции, Витька указал на остов сгоревшей легковушки с оплавленными колесами:

– «Тойота постапокалипсиса». Так батя её назвал. Она тут что-то вроде памятника, уже второй год стоит.

– Мы будем прям дома вскрывать?

– Нет, вишню через забор тырить, – раздраженно процедил Бобров.

– Не злись. Я же первый раз в этом деле, не опытная, – с робкой игривостью ответила Улька, – думала, может, только разведаем?

Витька посмотрел на мягкие губы, чуть вздернутый носик, черные брови над выразительными глазами и передумал сердиться. На Ульяну он выстраивал далеко идущие планы, как и на её сестру Лизку. Впрочем, Юльку Куницыну тоже со счетов не списывал, хотя её первый номер проигрывал фигурам Ложкиных.

– Держись позади, ты – мои глаза на затылке. Предупреждай тихо, но чётко.

– Поняла-поняла.

Станица выглядела так, будто здесь недавно шли бои. На заборах виднелись следы от пуль, ветер гонял пепел между сгоревшими домами, часть улиц перекрыли баррикадами из машин. Но тяжелые сражения остались в прошлом. Теперь некому стало воевать.

– Ой, как тут мрачно... и... фу! Ну и вонь! – Ульяна зажала пальцами нос. Кто-то неспешно разлагался поблизости, отравляя воздух жутким смрадом.

– Тише. Я нашел, – Витька замер возле забора из покосившегося штакетника, – перелезь, я помогу.

Они забрались в чужой двор и быстро обошли вокруг дома. Всё указывало на то, что жилище вместе с автомобилем под навесом давно брошены.

– Сначала эти консервы вскроем, – Бобров достал из рюкзака короткую фомку и врезал по стеклу «Форда». Сигнализация не сработала, аккумулятор давно умер или вовсе отсутствовал под капотом. Но запчасти не слишком интересовали Бобра. Он залез в салон и обшарил бардачок со всеми возможными закутками.

– Есть, не зря пришли!

Ложкина разочаровано посмотрела на трофей, которым радостно потрясал Витька:

– Мы что здесь, ради пачки сигарет?

– Знаешь, мы иногда вообще с пустыми руками возвращались. Целый день протопашь, и всё без толку. Тут хоть что-то.

– Ну, для тебя да. Я же не курю.

– Вот и правильно. Я тоже брошу. Наверное.

Минут через пять Витька вылез из внедорожника, разжившись еще складным ножиком и упаковкой батареек.

– Теперь домом займёмся. Дверь на вид прочная, через окно зайдём.

– Разбивать? Столько шуму наделаем, – Улька заметно трясло, её пугал каждый шорох пролетающей мимо бумажки.

Витька достал из рюкзака толстую отвертку:

– Не, есть другой метод. Батя научил.

Пришлось повозиться с рамой, но зато проникли внутрь по-тихому.

– Пфффффф... Матёрый тут охотник жил. Не дом, а музей просто, – присвистнул от удивления Бобёр.

Со стен на них смотрели головы кабана, оленя, волка, лося, рыси, сайгака. Здоровенная медвежья шкура растянулась на полу в гостиной, повсюду стояли чучела животных и птиц. Пахло пылью и спёртым горьковатым воздухом.

– Давай сначала кухню проверим?

«Не зря у тебя фамилия Ложкина, только о жратве думаешь», – Витька улыбнулся своим мыслям, сохраняя серьезное лицо.

Они осмотрели все ящики, но кроме трех тощих тараканов ничего не обнаружили. Улька расстегнула замок на олимпийке:

– Душно. Дай воды.

– Мы обычно на обратном пути пьем. Чтобы не приспичило в самый неподходящий момент.

– Всё равно дай.

Они чуть расслабились, по крайней мере, о Бурой чесотке сейчас можно было не беспокоиться. Клещи-убийцы, при всей своей неуязвимости в теле носителя, имели один значительный изъян – во внешней среде паразиты могли прожить не больше суток. Даже одежда зараженных через двадцать четыре часа считалась условно безопасной. Так заявляли ученые. Хотя сложно было найти человека в своём уме, который согласился бы надеть вещи после пятистого.

– Судя по слою пылиги, все клещи здесь давно передохли, – отметил Витька.

Они обошли первый этаж, затем второй, заглянули на чердак, но поживиться оказалось нечем.

– Черт! У этого мужика полюбасу богатый арсенал хранился. Если у меня батя, простой охотник, пять стволов держал, то у этого на целый оружейный магазин, наверное, припасено было.

– Что поделать, все увез с собой.

– Сука! – Бобров со злости пнул стенку и тут же услышал странный глухой звук.

– Вить, успокойся! Еще ногу сломаешь. Как я тебя домой потащу?

– погоди, – он стал осторожно простукивать подозрительное место, – слышишь? Где там моя отвертка...

В стене обнаружился тайник, так ловко замаскированный, что даже глядя в упор никто бы не догадался. Бобров вскрыл дверцы и достал два новеньких карабина с сотней патронов в коробках.

– Твою дивизию, Улька! Вот это пруха! Грамотно сделано, мужик тут нычку оставил, на случай возвращения. Чуйка у меня, слышишь?! Чуйка!

Ложкина захлопала в ладоши:

– Молодчина, знал куда пинать!

Но бурную радость бесцеремонно прервал грохот выстрелов. Парочка рухнула на пол за чайный столик.

– Ой, Витя! Что делать?!

– В комнату, живо! Да ползком дура, ползком! Башку опусти, жопу прижми. На животе давай, на животе!

Они пробрались в спальню и прижались спиной к глухой толстой стенке. Раскатистая автоматная очередь повторилась. На этот раз в ответ дважды громыхнуло из ружья.

– Из Калаша, кажись. Не по нам – и ладно. Да, отпусти ты, задушишь!

Витька выбрался из объятий Ложкиной, которая со страху вцепилась в него как утопающая. С минуту они просидели без движений. Перестрелка продолжалась. Пока ни одна из сторон не могла взять верх.

– Назад нельзя. Заметят, разбираться не станут. У нас пушек на троих, а стрелять я один умею. Мы ж не знаем, сколько их там собралось. Не хочется под раздачу попасть. Здесь через окно вылезем на задний двор и огородами свалим.

– Ага, только быстрее... мамочки, я не хочу умирать, – пробормотала Улька, стиснув колени.

– Никто из нас не умрет. Они между собой разбираются, главное – внимание не привлекать. Тихо, молча, уходим по-английски. Поняла?

Ложкина кивнула, стуча зубами. План сработал. Парочка выбралась на улицу, перелезла через ограду к соседям, затем на дорогу, и пустилась рысью подальше от перестрелки. Остановились они только в поле, отбежав с километр от станицы. Улька присела на корточки, держась за ноющую печень, Витька тоже хватал ртом воздух:

– Да. Прав Таран. Бросать надо курить.

– А мне бегать по утрам. И для фигуры полезно.

– Ну, фигура у тебя очень даже красивая, – неловко обронил комплимент Бобров.

– Спасибо. Теперь домой?

– Угу, придётся сделать крюк. Севернее пройдем, чтобы случайно с этими ворошиловскими стрелками не пересечься. Там дальше поля сплошные, места спокойные, – Бобров поправил рюкзак с трофейными карабинами и патронами. Ноша тяжелая, но приятная.

Больше часа они шли без остановок, как вдруг впереди показались несколько домиков. Витька сбавил шаг, приглядываясь к незнакомому месту.

– Хуторок какой-то. Меня, если честно, в эти края не заносило. Мы с батей чаще возле Динской консервы искали.

– В смысле? Мы заблудились?!

– Не паникуй, дорогу я найду. Просто место новое интересно разведать.

– Вить, тебе не хватило? Зачем под пули лезть?!

– Началось. Поэтому я и хотел с Саней пойти, он бы тут не ныл.

Ложкина обидчиво поджала губы и уперлась руками в бедра:

– Это я ною?! Да я чуть от страха в том доме не умерла, палец себе прикусила почти до крови, лишь бы не закричать! И не закричала!

– Ладно, всё. Ты реально молодец. Для девчонки очень достойно держалась. Вернемся, медаль тебе выпилю. Ну и карабин подарю, честно свою долю заработала. Он, знаешь, сколько стоит? Только продавать не советую. Сейчас любое оружие как раритетное бухло, с каждым годом только дорожает.

Похвала возымела действие. Заметив, что Улька чуть успокоилась и приободрилась, Витька продолжил:

– Только давай этот хуторок осмотрим? Да я уверен, там вымерло всё. Глушь такая! Домов десять, не больше. Просто мимо пройдем. Ну, хочешь я сам, а ты здесь подождешь?

– Я? Одна? Без тебя?! В поле?! Ты дурак совсем? А вдруг собаки?! Мне что, на березу эту лезть??!

– Ну да, – невозмутимо кивнул Витька, – я бы так сделал.

– Всё, пошли куда скажешь, но я от тебя ни на шаг!

Ответ вполне устроил Боброва. Они прошли по единственной улице. Никаких признаков жизни. Странная тягучая тишина окутывала это место. Даже ветер стих.

– Я же говорил. Глухомань. Потом с батей сюда заскочим, прочедем всё основательно. В погребах пошарим. Всяко здесь люди погреба держали. На машине только надо... сегодня я так, не серьезно хотел прогуляться, чисто за куревом.

– Не серьезно, говоришь? Да нас чуть не перестреляли!

– Такое редко бывает, обычно мародеры друг друга не мочат. Только если местные пальнут. Обожди, давай-ка сюда заглянем. Чуйка моя оживилась.

Бобра-младшего привлек светлый саманный домик с хлипким забором. Окна закрывали синие деревянные ставни, древний шифер на крыше местами порос мхом, а на дубовой двери висел ржавый амбарный замок. Во дворе кроме старой кривой вишни, парочки яблонь и травы ничего не росло.

– Рухлядь какая. Что тут ценного может храниться? Фарфоровый бабушкин сервиз? – скривила губы Ульянка.

– Или блок сигарет, припасённый дедом. Не суди о книжке по обложке, – Витька отворил ставни, заглянул через стекло и отшатнулся, – тьфу ты! Ладно, идём, не надо тебе на это смотреть.

Парень потянул Ульку за руку, но она неожиданно упёрлась:

– Чего там, Вить? Да постой, чего увидел?!

– Два трупача, вот чего. Повешенные! Высохли как мумии, даже глаз нет, только черные дыры в башке и волосы почти все вылезли. Точно хочешь увидеть?

– Фу, нет, конечно. Но странно, почему дверь снаружи закрыта? Вон же замок. А может они повеселись от того что их заперли?! От безысходности?!

– Чушь. Окно бы выбили кочергой.

– Ой, да.

Бобёр-младший с подозрением уставился на зловещий дом с висельниками:

– Расследовать сейчас некогда. Домой еще топать и топать.

Но только он направился к калитке, как за спиной раздался истошный визг Ульки. На соседнем участке в шаге от забора возник незнакомец.

– Стоять! Руки поднял! Башку снесу! – заорал Витька, сам перепугавшись от неожиданности. Мужик был раза в два старше, но карабин в руках легко нивелировал разницу в возрасте.

Человек с любопытством рассматривал чужаков холодными водянистыми глазами. Он вальяжно уперся ладонями в ограду, задержал взгляд на побледневшем лице Ульяны, едва заметно улыбнулся уголками рта, а затем повернулся к Витьке.

Бобёр-младший застыл с красной мордой и взъерошенными потными волосами, точно минуту назад вышел из бани. Повисло молчание.

– Добрый день, молодые люди. Там братъ нечего. Даже хлебной крошки не осталось. Я последние доел, – меланхолично сообщил незнакомец.

– А мертвецы?

– Что мертвецы?

– Это вы их? – Витька пытался говорить низким грозным голосом, но тот предательски сорвался и «дал петуха».

– Глупость какая. Сунуть голову в петлю – это их собственный выбор.

Ложкиной тоже захотелось что-нибудь сказать, и она брякнула первое, что пришло в голову:

– А замок на дверь вы повесили?

– Я.

– А зачем?

– Чтоб вы спросили, – мужик откровенно издевался над незадачливыми мародерами. Винтовка в руках противника его совсем не смущала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.